Винланд
К. СИВЕР
Х. ИНГСТАДТ

Кирстен А. Сивер
Сага о Гудрид

Scan by Flint, OCR&ReadCheck by Ustas
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=154767
Винланд: Терра; Москва; 1996
ISBN 5-300-00523-1
Оригинал: KirstenSeaver, “Gudrids saga”
Перевод:
Татьяна Чеснокова

Аннотация

В очередной том серии «Викинги» вошли произведения, посвященные открытию викингами Северной Америки.

В историческом романе американской писательницы норвежского происхождения Кирстен Сивер и в путевых заметках известного норвежского журналиста и ученого-археолога Х.Ингстада рассказывается об Эрике Рыжем, изгнанном из Норвегии и Исландии за убийства и открывшем Гренландию, его сыне Лейве, первооткрывателе Америки, и прекрасной Гудрид…

Содержание

К ЧИТАТЕЛЮ 4
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ 7
НЕСБЫВШИЕСЯ МЕЧТЫ 7
НА ЗАПАДЕ ПОДСТЕРЕГАЕТ СМЕРТЬ 30
ПРОРИЦАТЕЛЬНИЦА НА ХЕРЬОЛЬВОВОМ МЫСЕ 58
ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ ТОРУ И ПРИХОД В ЦЕРКОВЬ 78
ПОЯВЛЕНИЕ ХОЗЯИНА ХОЛМА 102
АРНИ КУЗНЕЦ 131
Конец ознакомительного фрагмента. 145

Кирстен А. Сивер
Сага о Гудрид

К ЧИТАТЕЛЮ

Источники о плаваниях викингов в Новый Свет немногочисленны и весьма своеобразны. Летописных свидетельств о посещениях скандинавами Америки нет, и главный источник – саги, запись устной многовековой традиции.

Плавания в Америку, по сагам, совершали гренландцы – потомки норвежцев и исландцев. Вероятно, поиски леса, топлива, мехов, железной руды привели гренландских колонистов к берегам Нового Света.

Около 986 года исландец Бьярне Хеллюланд отплыл на Гренландию, и его корабль буря отнесла на запад. Бьярне увидел какую-то землю, но не пристал к ней. Через несколько лет отплыл из Гренландии Лейв сын Эрика Рыжего, гренландского первопоселенца. Лейв открыл берега новых земель – «Землю плоских камней», «Лесную землю» и «Виноградную страну».

Так произошло открытие викингами Северной Америки. Датировать это событие точно немыслимо. Можно допустить, что оно произошло около 1000 года.

Локализация Винланда – предмет поисков и гипотез на

протяжении столетий. Нет недостатка и в многочисленных фальсификациях о Винланде, упомянем здесь лишь о Кенсингтонским камне, открытом в 1898 году, и о нашумевшей «Карте Винланда», опубликованной в США в 1965 году.

Нет недостатка и в самых фантастических определениях местонахождения Винланда, который помещают на Кубе, в Мексике, Парагвае, Полинезии и на Аляске.

Поэтому неудивительно, что открытие Северной Америки викингами стало материалом для многочисленных романов.

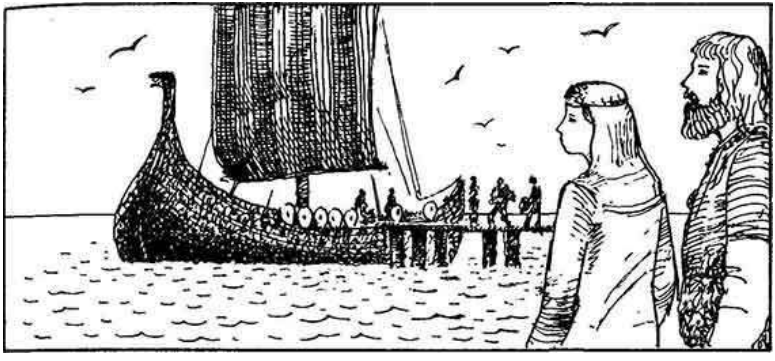
В очередном томе нашей серии Вас ждут увлекательные произведения, посвященные одной из величайших загадок истории.

Счастливого плавания на викингских драккарах!

Посвящается Паулю С. Сиверу, моему мужу и верному спутнику по Гренландии, Исландии, Норвегии и Северной Америке

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НЕСБЫВШИЕСЯ МЕЧТЫ



На хуторе Хеллисвеллир в этих серых предрассветных сумерках царила суматоха. Вьючные лошади, фыркая, нетерпеливо били копытом; тишину рассвета нарушали выкрики людей и собачий лай, прислуга сновала по двору с узлами и тюками, мешками да бочками.

Сухими, усталыми глазами следила Гудрид за тонкой полоской на востоке, возвещавшей о восходе солнца; она пыталась не прислушиваться к людскому шуму. Девушка так и не уснула в свою последнюю в Исландии ночь, в отличие от домоправительницы отца, храпевшей рядом с ней: ведь той

предстоял самый обычный рабочий день. Жизнь будет течь на хуторе своим чередом, словно Гудрид и ее отца здесь и не бывало. Словно так и надо, что тридцать человек, живущих по соседству, увязывают узлы и грузят свои пожитки и скот на корабль, чтобы отправиться в неизвестность.

Гудрид в смущении думала о том, что ей хочется снова войти в дом и побыть там немного среди знакомых, привычных вещей, – даже теперь, когда они лишились и подушек, и латунных ламп, и тугих дорогих вещиц, – всего, что отец отныне утратил или продал брату вместе со всем хутором. Едва повернувшись к дому, Гудрид услышала у себя за спиной оклик старой Торкатлы:

– Не входи туда, Гудрид, а то случится беда. Нельзя возвращаться назад, раз вещи твои вынесены из дома! Разве твоя приемная мать не говорила тебе об этом?

Торкатла протискивалась в дверь, держа в обеих руках объемистые узлы. Гудрид подхватила у служанки один узел.

– Тяжело тебе это, Торкатла. Неужели их не мог взять кто-нибудь из мужчин?

Торкатла сердито взглянула на девушку.

– Думаешь, я доверю кому-нибудь нашу лучшую кухонную утварь? Нет уж, мне хочется, чтобы она была довезена до Гренландии в целости и сохранности! Здесь и сырные формочки твоей матери… А разве я брошу на произвол судьбы резную маслобойку? Твоя мать любила красивые вещи, да она и сама была красавицей – поистине женщиной

прекрасной и разумной.

Служанка торопливо заморгала покрасневшими глазами.

Гудрид знала, что бесполезно торопить Торкатлу, раз уж она вспомнила о своей молодой хозяйке, которая вот уже много лет покоится в земле. Халльвейг была из тех, кому радуются люди. И приемная мать Гудрид, суховатая и расчетливая Халльдис из Арнастапи, светлела лицом, когда заговаривала о Халльвейг:

– Твоя мать была красавицей, дитя мое, она была самой умной и умелой из всех на Мысе Снежной Горы. У нее всегда хватало запасов на зиму. Ты очень похожа на мать, только от отца у тебя эти серо-зеленые глаза. Берегись, чтобы не оказаться в жизни столь же расточительным, как он. Когда-то Торбьёрн был богат…

Гудрид знала, что она во многом похожа на отца, и она росла в твердой уверенности в том, что лучи щедрости, красоты и достоинства отца падают и на нее. Торбьёрн сын Кетиля в свои сорок шесть лет был таким же стройным и тонким, как в молодости, и такими же каштановыми оставались его пышные волосы и борода. Прежде чем взять Халльвейг в жены, он побывал в чужих землях и вернулся из викингского похода покрытый славой и с большим богатством. Он сделался хёвдингом и поселился в большом доме на хуторе Хеллисвеллир. Каждое лето, когда он отправлялся на альтинг, он ехал в сопровождении многочисленных воинов и родичей.

Но чем больше училась Гудрид у своей приемной матери

Халльдис вести хозяйство, тем больше она понимала, что все сотрапезники просто жили за счет Торбьёрна, не утруждая себя рыболовством. И когда она наконец уразумела, что к чему, было уже поздно. На последнем весеннем пиру отец объявил, что он намерен продать все, чем владеет, и уехать в Гренландию, к Эрику Рыжему и его сыну Лейву.

Торбьёрн пока еще оставался хозяином Хеллисвеллира, и он был таким же щедрым и гостеприимным, как прежде, и на прощание оделял гостей подарками. Гудрид радовалась тому, что они с отцом не вызывают у людей чувства жалости. Жалеть их не нужно. Но едва последний гость уехал со двора, как Торбьёрн сказал, что Гудрид поедет с ним, так как ему надо кое-что сказать ей. Гудрид замерзла, хотя этой ранней весной было не особенно холодно. Может, отец заключил брачную сделку с кем-то из гостей, чтобы больше не беспокоиться о своей дочери…

Гудрид и Торбьёрн скакали прямо на запад, не произнося ни слова. Они миновали крутой Купальный Берег, и их взору открылась рельефная пустыня: то там, то сям она поросла мхом, и мох этот, перемежаясь с песком, лежал перед ними, виднеясь у самой кромки воды. Догорающий солнечный диск низко висел над морем в розовой дымке. Они остановились, и Торбьёрн все покашливал, поглаживая своему жеребцу гриву, пока наконец не промолвил:

– Вот перед нами лежит море, а за ним – Гренландия… Я надумал поселиться в новых местах, у Эрика Рыжего, как

ты уже знаешь. Не желаю жить в Исландии нищим! Да и о твоей судьбе надо позаботиться.

Гудрид смотрела на море, а в горле застрял комок. Она старалась не моргать, чтобы из глаз не брызнули слезы. Никогда еще она не чувствовала себя такой обездоленной.

А отец продолжал:

– В Гренландии тебе будет хорошо, Гудрид. На новом месте, как там, не так-то много женщин со сноровкой, а мужчины не запросят большого приданого, если будут брать в жены разумную девушку из хорошего рода. У Эрика, кроме Лейва, есть еще два славных сына, и насколько я знаю, оба они холостые. Для тебя это был бы выгодный брак – с сыном хёвдинга из Братталида!

Гудрид почувствовала облегчение, услышав, что отец не собирается отдавать ее дикарю. Это будет всего лишь незнакомый гренландец. И все же! Придется расстаться с тайными мечтаниями о широкоплечем юноше с тонким лицом и серьезными синими глазами, который посматривал на нее год назад на альтинге.

В конце концов Гудрид взяла себя в руки и повернулась к отцу.

– Мы возьмем с собой Снефрид? – спросила она.

– Нет, жеребята занимают на корабле меньше места: их мы возьмем. Но если потомство Снефрид будет таким же крепким, как ее жеребенок прошлым летом, то мы увезем их с собой. Я уверен, что Ингвилль охотно купит твою кобылку –

уж я позабочусь о том, чтобы братец заплатил мне серебром за нее, и деньги эти я приберегу для твоего приданого.

Гудрид всегда любила дочь брата своего отца, но внезапно в ней вспыхнула ненависть – ведь у той были отец и мать, и она остается в Исландии, да еще получит ее Снефрид в придачу. Красивую белую кобылку, которую подарил Гудрид ее приемный отец Орм из Арнастапи, когда она превратилась в девушку. Снефрид, как обычно, почуяла, о чем думает Гудрид, а та вспомнила о двух сумасшедших неделях в прошлом году, летом, когда Торбьёрн взял свою дочь на выданье с собой, чтобы показать ее людям на альтинге.

Помимо резвого вороного жеребенка, которого спустя несколько месяцев произвела на свет Снефрид, на корабль брали лишь двух лучших годовалых телок, упитанного барашка, козлят и поросят. Все остальные перейдут к брату, вместе с хутором, проданным Торбьёрном. Надсмотрщик прежнего хозяина, вольноотпущенник по имени Гандольв, муж Торкатлы, отбирал животных для поездки в Гренландию.

В день отъезда Торбьёрн стоял перед хлевом и пересчитывал скот. Рядом с ним находился Гандольв, оценивая опытным глазом каждое животное, чтобы убедиться, что больные на корабль не попадут.

Торкатла и Гудрид, неся узлы, приблизились к мужчинам. Торбьёрн даже не заметил их, но Гандольв коротко сказал, не поворачивая головы:

– Не мешай мне, жена. Если тебе надо помочь, попроси об этом других: на дворе топчется много прислуги.

– Ни в чем нет порядка! – кисло ответила Торкатла и двинулась к двум рабам Торбьёрна, которые отправлялись вместе с хозяевами в Гренландию. Они были заняты мешками из дерюги, набитыми шерстью, но увидев, что к ним идут Гудрид с Торкатлой, остановились и заулыбались.

Чтобы опередить служанку и не дать ей выместить свое раздражение на рабах, Гудрид поспешно заговорила первая:

– Раудери, не погрузишь ли ты кухонную утварь? Только осторожнее с этими узлами…

– Потом не ругайся на меня, если что разобьется, – проворчала Торкатла и подвязала покрепче свой платок. – А то я не знаю, что из этого выйдет: мужчины вечно думают, что с посудой можно обращаться так же, как со шкурами и мехом. Поди-ка, посмотри, как они разгружают на берегу Будира торговые шхуны из Норвегии и Ирландии…

– Я видела это, – примиряюще ответила Гудрид. – Много раз! Моя Снефрид знает дорогу к пристани наизусть.

При мысли о кобылке в груди у нее кольнуло: она вспомнила, как теплая, сильная спина лошади двигалась под ней. Гудрид мысленным взором видела перед собой дорогу на восток, вдоль Мыса Снежной Горы, через плодородные земли, на альтинг, где разрешались тяжбы и споры и каждому воздавалось по заслугам. Там же люди торговали своим товаром, обменивались новостями, а некоторые девушки впер-

вые встречали на альтинге своего суженого. В Гудрид всегда теплилась робкая надежда, что так же будет и с ней.

Нет, она должна быть сильной и веселой! Это долг хозяйской дочери, как ей всегда говорила приемная мать. И теперь, когда девушке пошел семнадцатый год, и она уже не воспитывается у Орма и Халльдис в Арнастапи, отец ее с полным правом может ожидать, что из дочери выросла настоящая хозяйка, которая позаботится и о людях, и о скоте.

Она окинула взглядом двор и заметила, что Стейн, самый преданный помощник отца, уже приготовился отправить первую группу вьючных лошадей. Внезапно Гудрид почувствовала к нему благодарность за то, что он едет с ними в Гренландию. Это ведь Стейн научил ее ездить верхом и стрелять из лука, и он всегда скакал рядом с ней, когда они вместе с отцом направлялись на пир. Стейн был плотным, коренастым, и вел он себя твердо и уверенно, снаряжая в дорогу лошадей и выкрикивая предупреждения тем, кто будет следить за поклажей.

По двору зацокали копыта, и первые лошади потянулись с хутора. Стейн некоторое время смотрел им вслед, а затем повернулся и, сказав что-то одному из рабов, направился к Гудрид и Торкатле.

– Гудрид, я отправил Кольскегги седлать для тебя Снефрид – Торбьёрн скоро даст сигнал к отправлению.

Торкатла сердито засопела.

– Да уж, нечего сказать! Такой беспорядок я видела в по-

следний раз только после землетрясения.

– Тебе нужно внимательно посмотреть вокруг, – сказал Стейн. – Когда лошадей уведут со двора, можно будет быстро отыскать все, что нужно. Главное для нас теперь – погрузить все на корабль и успеть отправиться в путь, пока небо ясное. Скорее всего, днем будет дуть попутный ветер, и я надеюсь, что с тобой все будет хорошо, Гудрид!

Гудрид внимательно посмотрела на тюки с домотканным сукном, а потом взглянула вниз, на свои новые кожаные ботинки. Одежда девушки была прочной; такая выдержит и ветер, и бурю на море. Ей ведь не нужно сейчас показывать всем, что она – дочь богатого человека. Другие ее вещи были заботливо упакованы в сундук, который сам Торбьёрн оковал железом. В сундуке лежали и синий плащ, в котором она ездила на альтинг, и шелковые кружева для волос, и широкий золотой браслет, подарок отца, и много других красивых вещиц, которые, может, и не пригодятся ей в далеких краях.

Словно бы прочитав ее мысли, Стейн улыбнулся и сказал:

– В Братталиде наверняка устроят пир в вашу честь, когда вы с Торбьёрном приедете туда, и тогда ты сможешь нарядиться!

– Ты думаешь, Эрик и Тьодхильд будут рады нам?

– Нехорошо будет, если люди в Братталиде не сдержат своего слова. Отец твой верно служил Эрику Рыжему, когда тот был его хёвдингом… Ты, наверное, не помнишь, что Лейв сын Эрика бывал здесь и повторял Торбьёрну пригла-

шение Эрика. Тогда ты была еще маленькой девочкой.

Нет, подумала Гудрид, ту встречу она запомнила на всю жизнь. Она первая заметила блеск оружия и конской сбруи и людей, приближающихся с севера. В тот день она была дома у отца. Когда Торбьёрн вошел в дом с гостями, она уже приготовилась к встрече и держала в руках деревянную миску с серебряной каймой, чтобы обнести гостей по кругу и предложить им умыться. Надо показать отцу, что у Халльдис она получила хорошее воспитание. Девочка узнала старого друга отца и Эрика Рыжего, Снорри сына Торбранда из Лебединого Фьорда, но двое других были ей незнакомы – мальчик тринадцати-че-тырнадцати лет и юноша примерно двадцатилетнего возраста, высокий, сильный и загорелый.

Снорри чмокнул Гудрид и сказал:

– Это Торбранд, мой сын. А вот Лейв сын Эрика, он только что приехал из Гренландии. Корабль их стоит в Будавике, и они послали известие в Лебединый Фьорд, приглашая меня с братом поехать в Норвегию или же поселиться в Гренландии, под покровительством Эрика. И для начала мы приехали сюда, чтобы посмотреть, как здесь живется Торбьёрну и его славной дочурке!

Гудрид припомнила, как в глазах Снорри мелькнул веселый блеск, когда она со всей серьезностью произнесла:

– Добро пожаловать в наш дом вместе с твоей свитой, Снорри сын Торбранда. Позвольте предложить вам сесть и не гнушайтесь нашим скромным угощением.

Когда мужчины наелись и разговор их уже подходил к концу, встал Лейв и сказал:

– Торбьёрн, в Гренландии жить совсем неплохо, там леса, много дичи и прочего. Скоро я поеду в Норвегию и предложу королю Олаву сыну Трюггви, чтобы к берегам Гренландии направились торговые суда, ибо многим от этого будет только польза. В присутствии вот этих свидетелей я подтверждаю, что мой отец поможет вам, если вы надумаете переселиться в Гренландию!

Торбьёрн медленно поднялся и протянул руку Лейву.

– Твое приглашение для нас большая честь. Но у меня здесь много дел, и многое от меня зависит. Приветствуй Эрика от моего имени и скажи ему, что если что-то в моей жизни изменится, то я охотнее уеду к нему в Гренландию, чем куда-нибудь еще.

Гудрид едва не лишилась чувств. Проститься с Исландией!

Так оно и вышло.

Гудрид так погрузилась в свои мысли, что отпрянула, когда вдруг почувствовала, как что-то горячее и нетерпеливое тычется ей в ухо. Возле нее стояла Снефрид, покусывая удила и кося глазом на Кольскегги, словно бы она намеревалась лягнуть его в знак давнего знакомства. Раб отдал Гудрид вожжи. Вороной, мохнатый жеребенок Снефрид неуклюже пританцовывал вокруг матери, и кобыла следила за ним темными глазами с длинными ресницами, медленно

фыркая. Стейн проворно подтянул ремни и помог Гудрид сесть на лошадь. Седло Снефрид было красивое, оно досталось ее хозяйке еще от матери. Торбьёрн сказал, что седло они возьмут с собой в Гренландию.

Гудрид удобно уселась в седло и бросила прощальный взгляд на хутор. Торбьёрн до последнего вел жизнь богатого хозяина, и зеленые крыши из дерна прочно и надежно покоились на крепких стенах, тоже из дерна и камня. Резное крыльцо главного входа было свежевыкрашенным. А изгородь вокруг сада тянулась сплошной лентой в бледных лучах восходящего солнца. Вдали слышался перезвон коровьих бубенчиков, доносилось блеяние ягненка – звуки переливались в утренней тишине, словно эхо мечты. На дверях бани еще висел старый коровий череп, в который люди Торбьёрна стреляли как в мишень. А на пороге людской сидел серый полосатый кот, лениво умываясь лапкой. Гудрид вдохнула прохладный утренний воздух и подумала, что этого она не переживет. Теперь, когда рвется их прежняя жизнь, лучше бы шел град и тряслась земля под ногами.

Последняя лошадь с поклажей была готова тронуться в путь, а Торбьёрн, отдав последние распоряжения остающимся во дворе, вскочил в седло. Огромный дог по кличке Хильда льстиво вилял хвостом и прыгал на хозяина, как только тот дал собаке знак следовать за ним. А Торбьёрн снял с себя кожаную шапочку и прижал ее к груди левой рукой, тогда как правой совершал крестное знамение. Громко и твердо

произнес он молитву:

– Молим Всемогущего Господа нашего Иисуса Христа быть к нам милостивым в нашем путешествии, да пройдет оно скоро и безопасно, и да сохранит Господь всех остающихся дома. Благослови, Господи, дом этот и всех, кто живет в нем, и все, что растет вокруг него. Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Он снова надел шапочку и оглядел всех присутствующих, чтобы убедиться в том, что все перекрестились, следуя его примеру. Насколько могла заметить Гудрид, перекрестились действительно все, но она знала также, что у многих в кулаке был зажат амулет Тора или что-нибудь другое, уже известное и проверенное, чтобы защитить себя в пути. Невольно она дотронулась до своего кожаного кошеля, в котором лежал маленький серебряный молот Тора, доставшийся ей по наследству от матери. Отец был доволен, пока его люди и домочадцы хотя бы внешне повиновались Белому Христу, ибо Гудрид знала, что отец часто размышлял над христианским учением.

Торбьёрн приказал Гудрид и Торкатле ехать в середине цепочки, и когда настал час отъезда, девушка пустила свою Снефрид вперед. Жеребенок все пританцовывал рядом с матерью, и вскоре вся свита, выстроившись как нужно, потянулась по дороге на восток, Гудрид не спускала глаз с толстой фигуры Торкатлы, ехавшей впереди, и больше уже не оборачивалась с тех пор, как помахала на прощание домовладеле-

це и всем остальным, кто стоял на дворе.

Она думала, что если доживет до старости, то хотела бы сохранить в памяти мельчайшие черты края своего детства. И Купальный Берег, и Хеллисвеллир, с его хуторами и пастбищами, и с могильным холмом, где братик Гудрид, младенец, похоронен вместе с матерью, которая умерла на следующий день после родов, просто и трогательно простившись со своими близкими. Когда Снорри Годи построил на своем дворе церковь, Торбьёрн перезахоронил Халльвейг с сыном там, доставив останки прямо к церкви Священной Горы, через Мыс Снежной Горы. Но могильный холм своего тестя Эйнара с Купального Берега он не тронул: холм этот зеленел круглый год, благодаря ворожбе матери Эйнара, Хильдигунне.

Гудрид знала, что у нее самой были кое-какие способности от Хильдигунне. И ей нужно было смирять в себе эти силы, чтобы они не сбили ее с пути, как однажды сказал ей отец. Гудрид, например, могла угадать, что к хутору приближаются чужаки, еще до того как их почуят собаки. А когда она была малышкой, она охотно просилась на руки к тем людям, которые еще только успевали подумать об этом, но не позвать ее вслух. Поэтому давно поговаривали о том, что девочку надо бы воспитывать на хуторе Арнастапи. Халльдис знала руническое письмо и была искусной целительницей, и притом никто не мог обвинить ее в колдовстве; к тому же она была прекрасной хозяйкой, а ее муж Орм ходил в викинг-

ские походы вместе с Торбьёрном. И потому после тризны по умершей жене Торбьёрн отвез Гудрид и ее старую ирландскую няньку на восток, вдоль берега, прямо на Двор к Орму.

С тех пор как Гудрид себя помнила, она помнила и Халльдис с Ормом. Они были старше ее отца и более терпеливы, и когда она поселилась у них в доме, она горячо полюбила обоих. Она вместе с нянькой делила постель как в Арнастапи, так и в Хеллисвеллире, и часто навещала отца, так что отчий дом не становился для нее чужим. Единственное, чего ей не хватало у Халльдис и Орма, так это маленькой бухточки на Купальном Берегу, где она училась плавать и где она часто вылавливала из моря бревна, на которых сохранялись следы чужих рук, обрабатывавших дерево. Высоко над бухтой нависал крутой склон, весь заросший цветами. Летом она следила здесь за сотнями чаек, кормивших своих прожорливых птенцов, или наблюдала за людьми, которые висели на кожаных ремнях над обрывом, возле отвесной скалы и собирали яйца и птенчиков. А если девушка поднимала глаза наверх, то ее взору представали горы Стапа, вздымавшиеся к небу своими скалистыми вершинами, поросшими травой.

Чудеснее всего бывало, когда в тучах появится просвет, и становился виден большой белый купол Ледника Снежной Горы. Он был главным маяком для путников, направляющихся на запад, как теперь и сама Гудрид… Она сердито смахнула с ресниц слезы. Ледник сверкал в солнечных лучах так ослепительно, что глаза не выносили этого света: хо-

роший знак для путешественников. Море пенилось вокруг опасных подводных рифов у берега. В отдалении плясали на волнах яркие паруса. А с востока на полуостров Снежной Горы катились бесчисленные волны, и взглядом не объять было водное пространство до горизонта. Это было удивительное зрелище!

Орм и Халльдис решили оставить свой дом на сына и невестку, чтобы самим уехать в Гренландию. И когда люди Торбьёрна приблизились к Арнастапи, они были уже наготове и ждали гостей, чтобы всем вместе отправиться в путь. Орм вскочил в седло, и конь его встал рядом с конем Торбьёрна. Оба мужчины в последний раз помахали остающимся домочадцам.

Халльдис со своей служанкой Турид Четырехрукой примкнули к Гудрид и Торкатле, молча кивнув им. Даже темное, загорелое лицо у Халльдис было бледным, и это заметила Гудрид, но та больше ничем не выдавала себя. Девушка хотела научиться у своей приемной матери сдержанности и немногословию. Даже в это беспокойное утро Халльдис казалась такой же невозмутимой и надежной, как высокие горы, давшие свое название маленькому прибрежному селению. Да, именно надежной, подумала Гудрид и невольно подняла глаза к вершине горы Стала – туда, где парят орлы.

Когда Гудрид впервые оказалась в Арнастапи, Халльдис подарила ей щенка, чтобы девочка чувствовала себя как дома и отвлеклась от печальных мыслей о матери. Щенок бе-

гал за ней повсюду, играл с ней, а к концу дня засыпал от усталости прямо у нее на постели. Однажды Гудрид вешала во дворе белье после стирки, и вдруг почувствовала, как на нее надвинулась большая тень, а через мгновение услышала отчаянный лай. Она повернулась, но орел уже уносил в когтях бедного щенка. На его светлой шерсти были видны следы крови. Орел взмыл ввысь так близко от Гудрид, что она ощутила на своем лице ветер от взмаха его огромных крыльев, и полетел со своей добычей к вершине горы. Гудрид, онемев от испуга, стояла еще какое-то мгновение во дворе, а потом вбежала в дом и, уткнувшись в грубое домотканное платье Халльдис, выплакала ей свое горе.

– Тебе нужно было лучше следить за щенком, – сказала ей Халльдис. Гудрид прислушалась к ее словам, ведь взрослые знают, что говорят. И если в Гренландии им повезет, она еще многому поучится у Халльдис. И у Турид Четырехрукой тоже.

Гудрид была несказанно рада тому, что эта умелая служанка едет вместе с ними. Пока она рядом, все мечты и воспоминания Гудрид остаются живыми. Турид Четырехрукая была вместе с ними на альтинге в прошлом году, в те счастливые и вселяющие надежду недели. Служанка украсила распущенные волосы девушки чудесным венком из цветов, она выслушивала болтовню Гудрид о каждой пережитой ею мелочи, которая казалась ей увлекательной. И Турид тоже видела тогда большую свиту нарядных всадников, про-

скакавших мимо в тот момент, когда Торбьёрн соскочил с коня перед своей хижиной. Гудрид могла воскресить в памяти мельчайшие детал той картины.

Многие из всадников учтиво приветствовали Торбьёрна и его людей, а Орм сказал тогда Гудрид:

– Это люди из Ската-Фьорда на севере. Вон тот силач в красной рубахе, который скачет впереди всех, – это Халльдор, новый хёвдинг Хова, а тот, в зеленом плаще, его друг, Торфинн сын Торда, который только что вернулся в родные края из дальних стран, куда он плавал купцом. Его мать приходится сестрой Снорри сыну Торбранда, а по отцовской линии род его в Исландии столь силен и могущественен, что таких еще поискать. И он, и Халльдор ведут свой род от Рагнара Кожаные Штаны.

Что до Халльдора из Хова, то Гудрид бросилась в глаза его черная, как уголь, окладистая борода, выделяющаяся на фоне красной одежды. И юный родич Халльдора, Торфинн, посмотрел, в свою очередь, на Гудрид, и глаза их встретились. Лицо юноши было худощавым, потемневшим от загара, он был широкоплечим, а взгляд серьезных синих глаз из-под нависающих бровей был внимательным, изучающим, словно он хотел угадать, кто такая Гудрид и что она таит в себе.

Неизвестно, что бы подумал Торфинн сын Торда, если бы он увидел ее теперь! Дочь богача, спустившего свое состояние, переселенца, о котором в Исландии теперь никто и не вспомнит, с грустью подумала Гудрид. Злость придала ей си-

лы, и она поймала себя на мысли, что обманывается: неужели она могла вообразить, что Торфинн сын Торда заинтересовался ею! Глупо даже вспоминать об этом. Она выпрямилась в седле и шлепнула свою Снефрид по крутому, лоснящемуся боку.

Кобылка много раз возила свою хозяйку в Будир, а потому она резво неслась прямо к пристани, куда приходили торговые суда с железом, рабами, кувшинами вина и меда, с кожаными мешками, наполненными солодом и ячменем, с такими красивыми тканями, что трудно было представить себе, что они сработаны человеческими руками. Но теперь, в конце лета, на причале стоял один лишь корабль Торбьёрна. «Морской конь» выглядел огромным, темным – корабль этот напоминал Гудрид разъяренного быка, которого держат на привязи.

Снефрид поспешно остановилась, словно она ступила в зыбучие пески, и повернулась к кораблю. Жеребенок ее тоже остановился, будто связанный с матерью одной невидимой нитью. Гудрид нагнулась и шепнула на ухо кобыле:

– Ничего не поделаешь, Снефрид. Я позабочусь о твоей дочке, и, может, она найдет себе жеребца в Братталиде, у тамошнего хёвдинга.

Как и предполагал Торбьёрн, помимо Халльдис и Орма, нашлось еще немало людей, пожелавших попытать счастья в Гренландии. Вместе с людьми Торбьёрна, которые захотели

остаться у него на службе, и вместе с рабами, у которых просто не было иного выбора, всего на корабле оказалось тридцать человек. Родичи и друзья отъезжавших потеснились на берегу, чтобы не мешать грузить на корабль припасы и вещи. С севера дул холодный ветер.

– Это хорошо, – сказал Торбьёрн. – У нас не будет хлопот с подводными скалами у берега. Только бы не подвел попутный ветер.

Двое из людей Орма приготовились внести на борт огромный булыжник. Гудрид в удивлении спросила:

– Отец, зачем мы берем с собой в Гренландию этот камень?

– Надеюсь, ты сама догадаешься об этом дочка. Теперь, когда мы окажемся в Гренландии, у нас не будет недостатка в камнях.

Гудрид никогда не видела отца таким оживленным. Одетый в платье и штаны из черного домотканного сукна, в прочных башмаках, в конической шапочке без полей, он выглядел лет на десять моложе, и взгляд его скользил по кораблю с выражением гордости и нетерпения. Гудрид знала, что отец ее в молодости прославился в дальних морских походах, и люди от Норвегии до Шотландии и Фарерских островов до сих пор помнят, каким отважным викингом он был. Юность отца прошла на борту больших драккаров, плавающих в поисках приключений и богатства. И теперь все его заботы о хозяйстве остались далеко позади.

Радость отца передалась и Гудрид: она почувствовала, что сердце забилось сильнее. Девушка стояла возле Снефрид, протягивая каждому руку при прощании, благодаря за добрые пожелания успешного плавания.

Да, в жизни наступили большие перемены: словно это было предзнаменование, признак чего-то нового. Она это должна запомнить, удержать в памяти все, что сейчас происходит. И пусть будет сопутствовать им удача в Братталиде у Эрика… Благословение, благословение, *bless* – это новое английское слово ей не нравилось; хотя многие начали употреблять его взамен прежнего «прощайте».

Ей стало легче, когда она увидела, что отец подошел к Стейну, Ингвилль и родителям девочки. Она сняла с кобылки седло и отдала его Стейну отнести на корабль. А затем погладила бархатную морду Снефрид.

– Прощай, Снефрид. Теперь ты принадлежишь Ингвилль.

Она отдала сестре вожжи, увидев, что Стейн уже надел на жеребенка недоуздок и отводит его в сторону. Гудрид даже не заметила, как притихли все кругом, когда воздух разорвало отчаянное ржание кобылы. Отец Ингвилль быстро выхватил у дочери вожжи и сказал:

– Прощайся же с Гудрид и Торбьёрном, Ингвилль. Попутный ветер и отлив ждать не будут.

Гудрид обняла и поцеловала свою сестричку, дядю и тетю поочередно, втянула в себя знакомый запах и вгляделась в их лица на прощание, чтобы запомнить родичей получше.

А потом отвернулась и быстро пошла вниз по желто-красному, еще зеленеющему берегу и поднялась по трапу вслед за отцом, Ормом и Халльдис. Стоя на корабле, Гудрид все всматривалась в морское дно, в эту толщу воды, в ее неясные очертания и игру теней. Подняв глаза, она заметила, что борты корабля поблескивают от тюленьего жира, а у берега теснятся лодки, и люди в них машут им и кричат прощальные слова. Путешественники стояли у поручней и продолжали махать в ответ своим родичам и друзьям, перекрикиваясь и шутя с ними.

Вступив на палубу, Гудрид сразу же заметила свое седло под парусиной. Ей и в голову не приходило, что корабль может вместить так много. Здесь были и запасы еды, и пожитки. В средней части палубы стоял скот, отгороженный от всего остального, и только собаки и кошки бегали, где им хочется.

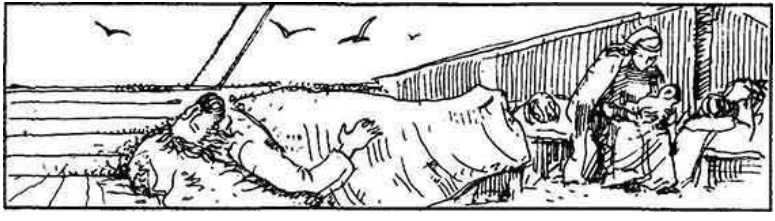
Она молча жалась к Халльдис, когда увидела, что отец ее направился к штурвалу. Сняв с себя кожаную шапочку, Торбьёрн оглянулся назад на берег, где над низкими, рваными тучами высился Ледник Снежной Горы. А за ним сияло синее небо, похожее на фиалки, распустившиеся в укромных тенистых местечках. Обратив свой взор к горе, Торбьёрн запел:

Дивно гора ледяная
Божьи сокровища прячет.
Горит там лампада Христова,
И свет ее льется на нас.

Путь она нам укажет
К Гренландии и ее землям.
Ступим на берег, как жаворонок,
Легко опустившись на луг!

На мгновение он застыл в молчании, а затем медленно перекрестился. А Гудрид с болью в душе подумала о том, что отец запел впервые после смерти ее матери.

НА ЗАПАДЕ ПОДСТЕРЕГАЕТ СМЕРТЬ



Попутный ветер надул красно-белый полосатый парус «Морского коня», и корабль, рассекая воины, медленно отошел от берега. Люди в лодках у пристани все еще продолжали кричать и махать им, и праздничное настроение окончательно вытеснило в душе Гудрид печаль. Она помахала остающимся, а потом отвернулась и принялась следить за отцом, который твердо держал в руках резной штурвал и зорко посматривал за парусом и подводными рифами на пути. Рядом с отцом стоял лоцман, Эйольв Баклан. Прошлой осенью он приплыл к берегам Исландии на норвежском торговом судне, проведя пару лет в чужих землях, и теперь решил отправиться вместе с Торбьёрном в Гренландию.

В верхнем правом углу паруса был вышит белый конь, и сама парусина была плотной и надежной. Почти двести локтей такой же парусины были аккуратно уложены среди прочих узлов и тюков: Гудрид сама помогала ткать ее из кра-

пивного волокна и шерсти. Девушка надеялась, что в этом морском путешествии парусина больше не понадобится, а на новом месте найдутся другие дела, так что не придется подолгу сидеть у ткацкого станка.

Ее раздумья прервал барашек, жалобное блеяние которого доносилось снизу, из загона, где стоял скот. А вскоре послышался целый хор голосов, и заплакал маленький ребенок, так что все было как и прежде, на суше. Собака Хильда громко тявкнула, лежа у ног Торбьёрна, однако другие собаки на корабле понимали, что им следует вести себя тихо, ибо царит здесь Хильда, и только она одна. Мохнатый норвежский лесной кот, принадлежащий Халльдис, играл с двумя чесоточными кошками, которых взял с собой Гандольв, чтобы они ловили мышей. И Гудрид пришла в голову мысль, что если бы корабль не покачивался на волнах, а ветер не надувал бы парус, то можно было бы представить себе, что находишься не на палубе, а в гостях у соседа.

К ней подошли Халльдис и Турид Четырехрукая.

– Гудрид, – сказала Халльдис, – может, ты поможешь Сигрид дочери Барда, пока мы покормим других? Ее ребенок капризничает. Его мы уже покормили, а она сама страдает от морской болезни. Да и Турид плоховато себя чувствует…

Гудрид кивнула.

– Я позабочусь о Сигрид.

Сигрид и ее муж, Ульв Левша, остались без крова во время урагана прошлой осенью. Они с большинством своих ро-

дичей пировали у друзей, когда произошло несчастье. Оба они стали немного странными, и Торбьёрн считал, что это хороший знак, раз они будут находиться у него на корабле.

Гудрид отметила про себя, что они уже так далеко отошли от берега, что Мыс Снежной Горы едва зеленеет вдали. Скорее, черные, красные и коричневые краски слились воедино, и выделяется лишь белая вершина ледника. Корабль держал курс на северо-запад, и она узнала темный песчаный берег Дритвика: от него отходило множество рыбачьих лодок. Может, Сигрид почувствует себя лучше, если «Морской конь» уверенно рассекает волны, двигаясь прямо вперед с поднятым парусом, подумала она и зашла под кожаный навес.

Сигрид лежала, прислонившись к мешкам с шерстью. Накормленный младенец притих, а двухлетний Эйнар спал, прижавшись к матери и посасывая палец. Картина эта была столь безмятежной, что Гудрид невольно улыбнулась, спросив, как у них дела.

– Со мной всегда на море такое творится… Я чувствую себя как выброшенное бревно, которое плавает безо всякой пользы и ждет, чтобы его кто-нибудь выловил из воды, – Сигрид вытерла рот и попыталась улыбнуться. – Ты за нас не беспокойся. В Исландии у нас ничего нет, но и в Гренландии нас ждет неизвестность.

Гудрид нерешительно промолвила в ответ:

– Мы делим на всех еду, Сигрид. Ты не хочешь поесть?

Сигрид закрыла глаза и откинулась назад: на верхней гу-

бе и на лбу у нее выступили капельки пота. Она заботливо приложила младенца к груди.

– Может, я смогу взять что-нибудь в рот попозже, но не теперь.

Когда все было приготовлено, Торбьёрн передал штурвал Орму и сел разделить трапезу вместе с другими на корме. Как всегда, когда он садился за стол дома на свое почетное место, так и здесь он сел, скрестив ноги, взял из рук Гудрид миску с молочной похлебкой и поднял ее, весело обводя взглядом остальных.

– Итак, мы в пути! И нашу первую трапезу на борту «Морского коня» мы посвящаем Белому Христу.

Он отхлебнул из миски, передал ее другому и перекрестился.

Гудрид смотрела на знакомые лица. Вот сидят рабы Торбьёрна – два молодых брата из вендов и болгарка тридцати лет, которую многие подозревали в колдовстве. Эта Эфти показала себя, когда опоросилась свиноматка, и болгарка знала, как отогнать злых духов от поросят. Торбьёрн оценил ее искусство и пообещал, что отпустит ее через две зимы и лето в Гренландии. То же самое обещал он и обоим вендам. Теперь все рабы повеселели и приободрились, а мелкие кусочки вяленой рыбы казались им свежим сочным лососем. Гудрид знала, что рабы Торбьёрна и Орма готовы выполнять самую тяжелую работу на корабле, начиная с выноса ночных горшков и до починки корабля снаружи, за бортом, если слу-

чится несчастье. Ибо отныне они думают только о том скором времени, когда станут вольноотпущенниками и займутся своим маленьким клочком земли. И они будут стараться изо всех сил, чтобы «Морской конь» в целости и сохранности дошел до берегов Гренландии. Торбьёрн мог полностью положиться на свою команду: у него было особое чутье, когда он подбирал себе людей на корабль.

Радостное, приподнятое настроение Торбьёрна постепенно передалось и всем остальным на борту. Гудрид вспомнила, что всякий раз, когда она ходила в горы с другими соседками собирать мох на зиму скоту, она испытывала такое же чувство дружеской общности и свободы, как теперь. Конечно же, они плывут к новой, лучшей жизни! Какая же она глупая, что неотвязно тоскует по старому. Ей следовало бы понять, что отец рассчитывает удачно выдать ее замуж в Гренландии, ведь двое других сыновей Эрика Рыжего не менее славные, чем Лейв…

Она отхлебнула из миски и передала ее человеку по имени Белый Гудбранд. Тот сделал большой глоток и дал миску своей жене, Торни. Та с притворным испугом заглянула в миску.

– Здесь прямо колдовство какое-то, есть больше нечего. Гудни, плесни-ка добавки!

Ее рыжеволосая дочь встала со всей важностью, какую только может показать одиннадцатилетняя девочка, и Торбьёрн выкрикнул ей:

– Дай миску и Орму тоже, он стоит у руля. А потом возвращайся к нам!

Гудбранд с любовью посмотрел Гудни вслед и сказал:

– С такой погодой мы оглянуться не успеем, как окажемся в Гренландии, как ты думаешь, Торбьёрн?

– Эйольв Баклан не может сказать ничего определенного, – твердо произнес Торбьёрн. – Нам может помешать туман. Остается нам уповать только на Христа и на собственное везение. Ты ведь удачлив в море, Гудбранд. Я слышал много рассказов о том, как ты избегал разных болезней и тягот в дальних путешествиях.

Гудбранд сделался необычайно довольным.

– Да, всякое бывало. Особенно запомнился мне первый год, когда я отправился в море. Мы направлялись в Испанию, и разыгралась буря. Меня просто вывернуло наизнанку, но потом я пришел в себя и с тех пор никогда больше не страдал на море.

Его сын Олав, пятнадцати лет, с гордостью посмотрел на своего отца, и Торбьёрн одобрительно подмигнул мальчику. Людей объединяет лишь преданность друг другу – эти слова Гудрид часто слышала от отца и вновь убеждалась в их правдивости и на этот раз.

Она отложила несколько кусочков рыбы для Сигрид дочери Барда и отнесла под навес.

– Ты должна поесть хоть немного ради малыша.

Сигрид осторожно положила спящего младенца на мешок

с шерстью и нерешительно отхлебнула из миски, а потом вновь откинулась назад, закрыв глаза и держа в руке кусочки рыбы. Повернувшись и собравшись уже уходить, Гудрид заметила, что к Сигрид и ее рыбе направилась овчарка.

А внизу, в загоне для скота, жеребенок Снефрид и гнедая кобылка Белого Гудбранда выглядывали из-за протянутой перед ними моржовой веревки. Когда Гудрид спустилась к ним, жеребенок положил ей голову на грудь и тихо начал пофыркивать. Она погладила малыша, отметив про себя, что мускулы его наливаются силой под мягкой черной шерстью.

– Пора дать ему имя, – сказал Гандольв у нее за спиной. – Из этого жеребенка вырастет славная кобылка.

Гудрид услышала свой собственный голос:

– Я назову ее Торфинна.

Гандольф изумленно поднял брови.

– Странное имя для лошади!

Гудрид слегка покраснела, но продолжала стоять на своем.

– А мне кажется, что оно подходит ей как нельзя лучше. Тор защищает на море всех без исключения, разве нет?

– Разумные речи для молодой девушки, – ответил Гандольв. – Хотя этот новый бог, должно быть, так силен, что Торбьёрн уповает теперь только на него, а нам необходима помощь в таком долгом путешествии.

Гудрид кивнула ему в ответ и вгляделась в горную вершину на Мысе Снежной Горы. Ледник по-прежнему невозму-

тимо высился над берегом, и, казалось, его можно было увидеть отовсюду. Девушка попыталась отогнать от себя мысли о взгляде серьезных синих глаз, которые она больше никогда не увидит. Втайне она посвящала свою кобылку вовсе не Тору, а тому высокому, загорелому юноше, который приласкал ее Снефрид на широком лугу. Это было год назад и, кажется, целую жизнь.

С самого первого дня на альтинге она со всей ясностью ощутила, что с ней обязательно что-то произойдет. Она поняла это так отчетливо, словно это дух-двойник человека предупреждает о приближающихся к дому гостях. Однажды вечером Турид Четырехрукая сплела чудесный венок из лютиков, незабудок и марьянника, сказав при этом Гудрид:

– Эти цветы хорошо подойдут к твоей шелковой сорочке, которую купил тебе отец. Думаю, что на тебя будут заглядываться многие парни, когда ты выйдешь танцевать сегодня!

Гудрид лишь улыбнулась и поблагодарила Турид. По правде говоря, ей не приглянулся никто из тех сыновей богатых бондов, которых она встретила здесь, на альтинге. Ни один из них не показался ей привлекательным. А Торфинна сына Торда из Скага-фьорда она так и не встретила. Каждый раз, когда он стоял в отдалении, рядом были другие, и они мешали ему подойти к Гудрид, которая держалась на площадке тинга вместе со своими родичами.

На танцы ее вызвался сопровождать Торбранд сын Снор-

ри. Они с Гудрид были добрыми друзьями с тех пор, как он, неуклюжий четырнадцатилетний подросток, должен был ехать в Норвегию со своим отцом и Лейвом сыном Эрика. Он тогда открыл ей тайну, что посватался к дочери богатого бонда, который хотел видеть в своем зяте ровню. Но сам Торбранд, как и его отец, был беден столь же, сколь он был смел и отважен. Должно быть, родичи Торбранда из Скага-фьорда люди богатые, думала Гудрид, пока они стояли в ожидании того, когда музыканты и запевалы договорятся, с чего начать. Может, ей расспросить Торбранда про его родственника, Торфинна сына Торда…

Наконец зазвучала музыка, и Гудрид вместе со всеми пошла танцевать. Подпевая с остальными, она мечтательно скользила взглядом по зеленеющим лугам, на которых паслись кони. В эту светлую летнюю ночь все вокруг виднелось ясно и отчетливо. Она заметила, что в отдалении пасется ее Снефрид, а ее вороной жеребенок лежит рядом в траве. Рядом с кобылой стоял человек: он поглаживал Снефрид по спине, наклонившись к ее голове. По зеленому плащу и осанке Гудрид угадала, что это Торфинн сын Торда из Скага-фьорда.

Прежде чем она успела задать себе вопрос, что делает Торфинн на лугу, тот уже отошел от ее кобылки и присоединился к Снорри, отцу Торбранда, и другим мужчинам, которые наблюдали за борьбой силачей. Снорри так радушно приветствовал Торфинна, что Гудрид вздохнула с облегче-

нием. Раз уж этот молодой человек пользуется уважением почтенного Снорри, значит, он не из тех, кто способен повредить ее Снефрид. Ей и в голову не могло прийти, знал ли Торфинн о том, что Снефрид – ее лошадь. Не хотел ли он найти предлог, чтобы заговорить с ней самой? Сердце ее сжалось от томления и тревоги, словно она вдруг почувствовала себя без сил.

Но Торфинн так и не подошел к ней за эти два дня, что длился альтинг.

Попутный ветер все держался. На корабле жили особой жизнью, и время здесь текло иначе, чем на суше. Гудрид большей частью сидела за прялкой, слагая мысленно песни. Она знала, что в дальнем плавании многие проводят время за тем, что придумывают рифмы и кеннинги на будущее, что она обычно делала и на суше. Никто не удивился, что женщина тоже слагает висы, и способности Гудрид были ничем не хуже, чем у других. Однажды она спела некоторые сочиненные ею висы своему отцу: он был признанным скальдом и славился среди других.

Внезапно Гудрид почувствовала, как палуба ходуном заходила под ней. Словно весь корабль прогнулся, натолкнувшись на препятствие на своем пути. Гудрид вскочила на ноги и взглянула в сторону штурвала. Там стоял отец и махал свободной рукой, отдавая приказания. Команда засуетилась с диплотом, шкотами, и, наконец, «Морской конь» выпра-

вился и лег прямо на запад. Ветер становился холоднее и резче, потянуло чем-то иным, и цвет воды изменился. Он стал глубже, темнее…

Орм, широко улыбаясь, подошел к трем женщинам.

– Теперь мы далеко от берега и вошли в холодное морское течение. Такой будет большая часть пути к Гренландии. Снежную Гору мы потеряли из виду, но зато отныне мы будем ориентироваться на Синюю Сорочку в Восточной Гренландии: уже скоро, Гудрид, ты ступишь на землю!

Пока Орм говорил, Турид Четырехрукая сидела, закрыв глаза и прислонившись головой к дрожащему борту корабля. Она не могла взять в рот ни крошки с тех самых пор, как они отошли от берега Будира. Она отказывалась прилечь отдохнуть под кожаным навесом, ложась только ночью, когда там повернуться было некуда из-за гамаков и спальных мешков и было тепло. Сама Гудрид не страдала от морской болезни, она мечтала о горячей похлебке и молочном супе и припоминала лекарственные травы, отвар из которых она обязательно приготовит, как только доберется до очага.

Сигрид чувствовала себя все так же плохо, как и в самом начале путешествия. На короткое время она выходила со своим ребенком подышать свежим воздухом на палубе, а потом снова забиралась под навес. Она рассчитывала на то, что высокие борта корабля и внимательность других людей на палубе не дадут упасть ее двухлетнему сыну в море. А мальчик тем временем играл с поросятами. И подчас ма-

ленький Эйнар даже брал себе поесть вяленую рыбу и мох из свиного корыта, и Сигрид говорила, что он вел себя точно так же и дома.

Ветер все усиливался, и Торбьёрн забеспокоился и стал разговаривать так резко, что Гудрид предпочла бы оказаться перед разъяренным быком, нежели раздражать отца лишними вопросами. Ледяные порывы ветра следовали один за другим с севера, осеннее небо нахмурилось, и из-за туч перестали сиять звезды. Торбьёрн спустил парус, и всю ночь он лично провел на вахте: он шел в направлении ветра, рассчитав координаты, и следил за тучами в небе, надеясь держать курс по звездам. Ливень хлестал по его одежде из тюленьей кожи, – такой же, как и у всей команды. Гудрид позавидовала мужчинам: было очень трудно двигаться в этой овчине, которую набрасывали на себя женщины, выходя из-под навеса.

Ослабев от качки и холода, Гудрид вышла в серых предрассветных сумерках на палубу. Младенец Сигрид хныкал непрестанно, и его уже не мог угомонить даже кусочек сала, завернутый в тряпочку. Суши нигде не было видно. Пропала и белеющая вдалеке вершина Ледника Снежной Горы. Палуба была скользкой, мокрой, и «Морской конь» сотрясался до основания под шквальными ударами волн. Торбьёрн еще спал под кожаным навесом на корме, а Орм и Белый Гудбранд сменяли друг друга у штурвала. Гандольв выловил перепуганного насмерть поросенка и проверял теперь загон

для скота.

Гудрид огляделась в поисках Стейна и увидела, что он сидит на кожаном тюке в совершенной растерянности. На лбу у него была рана, и кровь стекала прямо на глаза, так что он едва разглядел подошедшую к нему девушку.

Наконец-то и она может показать, на что она способна, подумала Гудрид, сразу приободрившись. На корабле хозяйничали, понятное дело, мужчины, а женщины тем временем пряли или вязали, да еще готовили еду. Они заскучали от безделья. Гудрид понимала, что так и должно быть, но ей не хотелось сидеть сложа руки, особенно теперь, когда она уже повзрослела. Однажды, когда она пожаловалась на это своей приемной матери, Халльдис сухо ответила ей, что они должны пользоваться минутой отдыха, потому что потом, в Гренландии, будет много работы. И она могла бы рассказать, как на других кораблях женщины наравне с мужчинами несли вахту у шкотов.

– Подожди немного, Стейн, я остановлю кровь…

Гудрид побежала искать Халльдис. Затем они вдвоем промыли Стейну рану и забинтовали ему голову, прижав лоскут кожи, которую ссадил себе Стейн, ударившись о борт.

Стейн широко ухмылялся.

– Вот испугаются другие, когда проснутся и увидят меня с перевязанной головой! Наверняка вообразят себе, что я успел сразиться с разбойниками-сарацинами! Мы быстро плывем на юг, так что недолго уж осталось…

Еще пару дней они шли полным ветром, чтобы не отклониться от штормовых порывов с севера. Во всяком случае, Торбьёрн полагал, что ветер дует именно с севера. Лоцман Эйольв сказал, что рано или поздно им предстоит отклониться на юг, чтобы обогнуть южную оконечность Гренландии, и потому нежелательно терять время и пытаться что-то сделать во время бури. Все они были уверены в том, что шторм вскоре прекратится.

Ветер стих столь же внезапно, как и поднялся, и парус безжизненно повис в молочно-белом тумане. Гудрид припомнила, что когда Эрик Рыжий со своими людьми плыли к Гренландии на двадцати пяти кораблях, многие суда пошли тогда на дно, ибо невесть откуда налетела буря, и волны поглотили их. Может быть, в такой же водоворот попал теперь и «Морской конь»? Что-то еще ждет их впереди и что будет угрожать им в море?

Так проходил день за днем. В открытом море и его мрачном безмолвии голоса людей словно бы натыкались друг на друга, а когда Стейн заиграл на варгане[1], он начал издавать невыносимо печальные, низкие звуки. Время от времени собака Хильда принималась выть, так что другие собаки пугались, а ребенок Сигрид истошно кричал. Запасы еды подходили к концу, и Торбьёрн строго приказал экономить питьевую воду.

Только Сигрид дочь Барда и Турид Четырехрукая радо-

---

[1] Древний язычковый инструмент.

вались затишью. Другие же старались не пропустить ни малейшего признака ветра. Впервые с тех пор, как они покинули Исландию, люди смогли посидеть друг с другом, рассказывая всякие истории. Гудрид, Гудни и Олаву было весело вместе, но потом и им передалось беспокойство, исходящее от взрослых, и всепроникающий страх.

Ни рассказы Эйольва Баклана о своих прошлых путешествиях, ни истории Торкатлы и Халльдис о несчастной любви, изменах и зависти дома в Исландии не производили впечатления на Гудрид. Все это осталось словно в другом мире, как летний аромат цветущих лугов и берез, сладковатый после дождя. Единственное, что имело значение на борту, – это выжить.

Корабль, казавшийся прежде таким надежным и прочным, напоминал теперь ореховую скорлупку, которая предательски заплыла далеко в море и разлучила их с сушей. Прежде тугой, парус повис теперь обыкновенной тряпкой, и, глядя на него, Гудрид вспомнила свою старую няню, лежавшую при смерти. Смерть… Часто смотря на измученные лица Гудни и Олава, Гудрид пыталась угадать, думают ли они о том, что могут расстаться с жизнью, так и не испытав, что значит любить, иметь детей, вести собственное хозяйство.

Через две недели плавания на корабле начался мор. Первыми слегли венды, рабы Торбьёрна, Раудере и Кольскегги.

Гудрид прогуливала свою Торфинну по палубе, как вдруг

заметила, что Раудере опрокинул ночной горшок прямо на палубу, вместо того чтобы вылить его содержимое за борт. Стейн уже собирался вычитать рабу, но и он, и Гудрид увидели, что глаза у того остекленели от лихорадки.

Стейн подхватил раба под руки и бросил Гудрид:

– Иди скорей за отцом! Поторопись, я подержу твоего жеребенка!

Торбьёрн стоял перед мачтой, занятый с Белым Гудбрандом, и был очень недоволен, что ему помешали.

– Гудрид, не годится отрывать меня, когда я разговариваю с другими.

– Отец, я знаю это, но меня послал Стейн. Раудере заболел. Он очень плох, я видела это своими глазами!

Торбьёрн молча заторопился на корму. Стейн посадил Раудере на мешок и приказал одному из рабов Орма вычистить палубу. Он передал недоуздок Торфинны Гудрид и сказал, обращаясь к Торбьёрну:

– Раудере говорит, что его брат едва на ногах держится. Ты не знаешь, как обстоит дело с другими?

– Все здоровы, – резко ответил Торбьёрн. – И я надеюсь, что так будет и завтра, и послезавтра. Что скажешь, Гудбранд?

Белый Гудбранд, внимательно всмотревшись в раба, поднялся.

– У него на груди красные пятна. Это похоже на болезнь, которой я переболел в викингском походе. Мы называли ее

«Раскалывающая череп».

Торбьёрн покачал головой и повернулся к Гудрид.

– Отдай жеребенка Гандольву и иди за Халльдис. Посмотрим, сумеете ли вы исцелить этих рабов и что из этого выйдет…

Пока Торбьёрн говорил эти слова, Раудере трясся, как осенний лист на ветру, и его начал душить кашель.

– Попробуем сперва вызвать мокроту, – сказала Халльдис. – От этого никому не станет хуже. Нравится это твоему отцу или нет, но мы разведем огонь на палубе.

Торбьёрн неохотно позволил им вскипятить воду в большом котле, в котором обычно варили печень акулы и тюлений жир. Для начала Раудере потребуется горячее питье, над которым Халльдис произнесла свои заклинания, а Гудрид дважды перекрестила зелье, зная о том, что Торбьёрн не спускает с них глаз.

С каждым днем Раудере лихорадило все больше, а головная боль у него только усиливалась. И когда Халльдис сказала ему, что скоро он умрет, больной только порадовался этому известию. Сил у него хватило только на то, чтобы протянуть руку к брату. В тот же вечер он умер, и Кольскегги взирал воспаленными глазами, горящими из заросшего лица, на то, как его брата заворачивали в плащ, а к ногам привязали камень. Двое людей перебросили тело через борт, после того как Торбьёрн перекрестил покойного. Едва труп коснулся

воды, как над ним взмыла вверх птица крачка и исчезла в небе. Может, эта птица – дух-хранитель Раудере, подумала Гудрид, а может, это значит, что земля близко?

Кольскегги поправился, но один из людей Торбьёрна умер, и тело его спустили в море в один день с умершей Сигрид дочерью Барда и ее несчастным младенцем. А потом Ульв Левша спустился в загон для поросят и увел маленького Эйнара от его товарищей по играм.

Белый Гудбранд не сомкнул глаз ночью, так как его семья была поражена лихорадкой, и когда ему не нужно было кормить их или ухаживать за ними, он сменял у руля Торбьёрна или Орма. Гудрид знала, что и на суше Гудбранд имел славу сговорчивого и надежного человека. И теперь на корабле он проявил себя в полную силу, и Гудрид сказала об этом его жене Торни, пока вычесывала ее длинные, с проседью, волосы. Торни благодарно улыбнулась ей.

– Меня выдали замуж за Гудбранда, когда мне исполнилось семнадцать зим. Он всегда был добр ко мне. Мало кто из женщин может сказать так о своих мужьях. Надеюсь, он найдет себе хорошую жену в Гренландии.

Гудрид промолчала. Воспаленные глаза и раздирающий кашель Торни говорил ей то, о чем больная и сама знала уже давно.

Эфти, болгарская рабыня Торбьёрна, лежала поблизости. Ей было очень плохо, и она не могла помочь Гандольву управиться с животными, но при этом она ни разу не пожалова-

лась. Налитые кровью, карие глаза болгарки были устремлены на Гудрид, молча показывая на Торни, а потом Эфти покачала головой. Затем она указала взглядом на Гудни и Олава, лежащих рядом с матерью и стонущих в забытьи, и твердо кивнула Гудрид. Та молча наклонила голову в ответ. Да, она тоже знала, что дети Торни и Гудбранда выживут.

Эфти умерла, когда Гудрид и ее отец сами лежали в лихорадке уже несколько дней. Когда Гудрид почувствовала себя лучше, она увидела над собой испуганное лицо своей приемной матери; усталые глаза ее глубоко запали. Гудрид спросила:

– Ты здорова? Что с отцом и Ормом?

– Торбьёрн заболел одновременно с тобой. Вчера лихорадка у него уменьшилась. Орм тоже не мог подняться несколько дней. Вчера умерла Турид Четырехрукая: она сказала, чтобы ты взяла после нее крючок, которым она вязала льняные ленты. И еще двое из людей Торбьёрна умерли, только Стейн устоял и способен помогать Гудбранду на корабле. Съешь-ка это…

– Я не смогу проглотить ни кусочка, – с дрожью произнесла Гудрид…

– Все-таки попробуй. Торкатла вон проголодалась и все съела, – сказала Халльдис, улыбнувшись в сторону нисколько не похудевшей служанки.

Торкатла положила масла на кусок вяленой рыбы и добродушно ответила:

– Когда я наемся, я смогу подняться и помочь вам.

Халльдис собрала свои вещи и встала. Подойдя к кожаному навесу, она вдруг упала прямо на палубе лицом вниз. Гудрид в ужасе поднялась из спального мешка. Она была еще слабой, как только что родившийся котенок, и ей чудилось, будто ее лягнула в спину лошадь, едва она встала на ноги. Торкатла помогла ей перевернуть Халльдис на спину: приемная мать была горячей от лихорадки и впала в забытье.

– Она, наверное, сильно ударилась головой о палубу, – сказала Гудрид, но втайне она уже поняла, что настал черед Халльдис.

С большим трудом они уложили ее в спальный мешок, и Торкатла осталась сидеть с ней, а Гудрид тем временем направилась на корму проведать отца и Орма.

Торбьёрн держался на ногах. Он был одет в одежду из тюленьей кожи, но его знобило, пока он говорил с Эйольвом Бакланом. Рядом лежала Хильда, лакомясь вяленой рыбой: собака, довольно заурчала, увидев подходящую Гудрид.

Не произнося ни слова, Гудрид спрятала лицо на груди отца. Он рассеянно обнял ее и погладил по голове, как он обычно делал, когда дочь была маленькой. А затем сказал Эйольву:

– Кажется, туман уменьшился с тех пор, как я лежал в лихорадке. И я даже чувствую на лице дуновение ветра. Нам надо измерить шестом глубину, чтобы определить, далеко ли суша.

Гудрид подняла голову и вдохнула в себя воздух. Действительно, пахло чем-то другим, более соленым, что ли. Надежда придала ей силы: она сжала руку отца и вернулась под кожаный навес, под которым лежал Орм.

Приемный отец был в забытьи и сперва не узнал Гудрид, а раб Харальд Конская грива, сидевший на корточках подле своего хозяина, слегка улыбнулся, увидев девушку.

– У тебя есть с собой зелье для Орма?

– Нет… я сейчас… Ты думаешь, он сможет сделать глоток?

– Выпить – нет, но мы хотя бы умоем его.

– Но так зелье не подействует…

Гудрид часто думала о том, что хотя мать Харальда умерла по пути в Исландию, но ее младенец унаследовал от нее способность размышлять. Случилось так, что Орм находился в Будире как раз в тот день, когда торговая шхуна с новорожденным умершей рабыни пристала к берегу. Орм взял себе младенца и попросил Халльдис найти для него кормилицу. Харальд вырос крепким и здоровым, и он был очень привязан к своему хозяину.

Гудрид взглянула на жесткий каштановый чуб со светлыми полосками, из-за которого его владелец заслужил свое прозвище. Обычно чуб этот был расчесан и приглажен, как того требовал от своего слуги Орм, но теперь он торчал колтуном и кишел вшами. Широкое лицо Харальда было сплошь усыпано нарывами, так что кожа его, казалось, заду-

бела. Гудрид сказала:

– Харальд, когда я принесу Орму зелье, я захвачу и мазь для твоих нарывов.

– Спасибо тебе, Гудрид, но обо мне ты не беспокойся. Все равно теперь от них останутся шрамы, – сказал Харальд. – Лучше помажь своей мазью маленького Эйнара сына Ульфа – у него высыпало этих волдырей еще больше, чем у меня. И сегодня ночью он так громко плакал, что никто из нас не мог уснуть.

Гудрид оглянулась вокруг и почувствовала, что ее оставляют силы; по-прежнему разламывалась голова и лихорадило. Двое из слуг Торбьёрна лежали тут же и безмолвно смотрели на нее, видя в хозяйке свое спасение.

Она медленно поднялась и подошла к ним, насильно улыбнулась и молвила:

– Вам надо немного поесть, тогда полегчает… Я скоро вернусь, только пойду посмотрю, что с Халльдис…

На пути ей попались Ульв Левша и маленький Эйнар: они стояли у правого борта. Ульв показывал своему сыну что-то в воде, а когда девушка подошла к ним, он повернул к ней свое изможденное лицо и сказал:

– Взгляни, Гудрид, теперь понятно, что мы все еще в северных водах.

Гудрид перегнулась через фальшборт, и сердце у нее замерло. За бортом плескалась невиданных размеров медуза. Может, она поджидает, когда с корабля спустят еще одно те-

ло? Голова Гудрид закружилась, она закрыла глаза и прислонилась к поручням.

– Эти толстухи отлично чувствуют себя только в холодных водах открытого моря, близко к Северу, и это хороший признак, Гудрид! Не так ли, малыш Эйнар?

Мальчик судорожно вздохнул и прижался к отцу, но Гудрид успела заметить, что нарывы покрывали все личико ребенка и его тоненькую шейку. Руки же его представляли собой одну распухшую массу. Гудрид сказала:

– Ульв, если ты принесешь Эйнара к нам под кожаный навес, я смогу подыскать для него целебную мазь. Там лежит Халльдис, и я не могу надолго оставлять ее.

В ту ночь маленький Эйнар не плакал. Он умер на руках у Гудрид после ужина. Ульв завернул ребенка в покрывало, оставшееся после Сигрид, привязал к нему камень, а затем пошел на корму и опустил умершего в море. Так он стоял, склонив голову, а потом взялся за парус, который начал колыхаться от нарастающего ветра, столь ожидаемого всеми на корабле.

Когда Гудрид поздно вечером вышла на палубу, небо было чистым, и отец с Эйольвом сверяли курс по звездам.

Халльдис пришла в себя и пыталась даже сидеть, давая Гудрид и Торкатле советы о том, как помочь Орму и остальным. Но сил у нее было еще мало, и она снова впала в забытье. Когда же к ней вернулось сознание, она узнала, что умер Орм.

Прежде чем опустить тело друга в море, Торбьёрн замер в молчании перед серым мешком. Гудрид казалось, что мешок этот слишком мал, чтобы в нем действительно находилось сильное, крупное тело ее приемного отца. А Торбьёрн напряженным, безжизненным голосом пропел:

Тяжек удар судьбы!
Честен и благороден,
Испытан суровой жизнью –
Таков мой друг, викинг Орм.
Быстро сомкнул свои волны
Могильный курган моря,
Но боль утраты жива.

Он перекрестился и перекрестил Орма, и только потом тело опустил в море. «Во имя Отца и Сына и Святого Духа».

Гудрид пришло в голову, что Орм, возможно, предпочел бы воззвать к Тору, но отцу лучше знать. А Халльдис никто об этом не спросил: она была слишком слаба и даже не поняла, что мужа ее больше нет в живых.

На следующее утро, проснувшись, Гудрид увидела, что Халльдис смотрит на нее своим обычным, спокойным взглядом. Сердце девушки забилось от радости. А Халльдис медленно, но твердо произнесла:

– Сегодня я умру, дитя мое. Я так любила тебя, словно ты была мне родной, и я научила тебя всему, что умела сама. Будь благоразумной. Позови сюда Торбьёрна и всех осталь-

ных, я хочу попрощаться с ними.

Все собрались вокруг Халльдис, и она отдала Торбьёрну последние распоряжения относительно вещей, которые оставались после нее с Ормом. Торбьёрн получал Харальда Конскую гриву и другого раба, Стотри-Тьорви, но он должен пообещать им свободу вместе с собственным рабом Кольскегги. Гудрид доставались все личные вещи Халльдис, а также бронзовое зеркало и янтарное ожерелье, и только фламандское шерстяное платье было завещано Торкатле. Скот, который принадлежал им с Ормом и находился тут же, на корабле, должен быть поделен между Белым Гудбрандом и Ульвом Левшой поровну. А Гудни и Олав получат горшок с английским медом.

Охваченная отчаянием, Гудрид стояла у поручней и смотрела, как тело Халльдис погружалось в темную толщу воды. Она чувствовала себя такой же маленькой и беззащитной, как в тот день, когда она после смерти матери уезжала из отцовского дома вместе с Торбьёрном и кормилицей.

Ноги, к которым был привязан камень, начали погружаться первыми, но прежде чем завернутое в дерюгу тело исчезло насовсем, веревка вокруг головы Халльдис развязалась, и Гудрид увидела напоследок длинную прядь седых волос, развевающихся по ветру.

Когда Гудрид пришла в себя, Торкатла начала уговаривать ее поесть. Но Гудрид могла думать только об одном: сколь-

ко же таких свертков с телами покойников спущено за борт с «Морского коня», да и с других кораблей тоже. И все эти умершие лежат теперь на морском дне, и камни, привязанные к ногам, не пускают их наверх; волосы их ласкают волны, и покойники смотрят перед собой невидящими глазами.

Питьевой воды и продовольствия оставалось совсем мало, но люди на корабле не теряли надежды, ибо теперь установилась хорошая погода. Похоже, что и мор на борту корабля прекратился.

Внезапно смерть сразила Гандольва. Он упал прямо на палубе, когда они с Харальдом занимались животными. Торкатла склонилась над ним, взяв его голову в руки. А потом сказала:

– Он говорит, что у него будто в груди что-то лопнуло. Это конец.

Дул восточный ветер, и корабль шел вперед, но потом ветер переменился на западный, и Торбьёрн жестко экономил питьевую воду. Эйольв Баклан делался все веселее, хотя Гудрид подозревала, что в глазах у него появился лихорадочный блеск. Лоцман был уверен, что вскоре они достигнут материкового льда вблизи Гренландии: многие знаки указывали на то, что земля уже недалеко. Вокруг появлялись хохлачи, а рядом с кораблем виднелись бутылконосы и киты-касатки.

После обеда Эйольв подошел к Торбьёрну и выкрикнул ему:

– Прислушайся! Это лед, настоящий лед – слышишь, как

скрипят льдины, сталкиваясь друг с другом! Ну, что я говорил? Веди корабль так, чтобы льдины были рядом, и они заслонят нас от волн и ветра. У меня есть девочка в Кетилевом Фьорде, и она заметит, что я возвращаюсь к ней на нашем корабле!

На следующий день путешественники увидели первый красноватый отблеск восходящего солнца на покрытых льдом берегах. Но сам Эйольв Баклан уже не застал ни веселья, ни радостных возгласов. Исчезнувший было мор поразил и его. Торбьёрн опустил своего умершего лоцмана в царство льда, которое тот знал и любил.

Они старались приблизиться к суше как можно ближе, но ветер и быстрое течение то и дело относили их назад в море. Каждое утро Гудрид, просыпаясь, со страхом ждала, что вот-вот над ними снова сгустится туман, в котором будут слышаться лишь их собственные голоса, да еще медленное поскрипывание и затем гулкие удары льдин, которые раскалываются друг об друга. Но каждый день «Морской конь» делал рывок к большой, неприветливой стране справа от борта, не теряя ее из виду.

Гудрид стояла рядом с отцом, когда тот выкрикнул Белому Гудбранду, у штурвала:

– Я уверен, что перед нами Хварфкнипа! Пока возможно, держи курс прямо на север. Только бы нам не пропустить Херьольвов Мыс!

Когда они находились еще далеко от берега, Гудрид наконец заметила долгожданный Мыс, и постепенно стали различимы дома и лодки на покатом берегу. Она стояла у поручней вместе с Гудни и Торкатлой, не замечая ни ветра, ни холода, силясь рассмотреть людей или овец на берегу. Ей казалось, что она прежде не видывала ничего прекраснее берез, пламенеющих в низинах, или зеленой травы, которая покрывала отлогие горы. Приближалась зимняя ночь.

Порыв южного ветра увлек их к Херьольвову Мысу, и корабль причалил к берегу. Когда подошла очередь Гудрид сходить на сушу, она, спотыкаясь, преодолела трап, и повернулась лицом к людям, которые собрались встречать прибывших. Было так трудно и непривычно ступать по твердой земле, и одежда Гудрид загрубела от соли, так что разъедала ей кожу.

Сильные руки помогли ей подняться, когда она опустилась на колени перед бревнами, выловленными из воды и поблескивающими морской травой. Гудрид и еще четырнадцать человек пережили это плавание.

ПРОРИЦАТЕЛЬНИЦА НА ХЕРЬОЛЬВОВОМ МЫСЕ

– Гудрид! Гудрид дочь Торбьёрна!

Гудрид крепче взялась за свою поклажу и отвела взгляд от темнеющей бухты, где стоял отцовский корабль, а белая пена вдоль берега светилась последними бликами догорающего дня. Девушка внезапно схватилась за пояс, чтобы удостовериться, не потеряла ли она ключ от кладовой, доверенный ей суровой экономкой Херьольвова хутора.

– Гудри-и-ид!

Голос слышался ближе, и в нем звучало нетерпение. Гудрид повернулась спиной к холодному соленому ветру и медленно пошла к домам, стоящим у подножия невысокой горы. Навстречу ей по дороге сбегала Рагнфрид дочь Бьярни, махая Гудрид, чтобы та поторопилась.

– Мой брат попросил отыскать тебя: они вместе с Торбьёрг-прорицательницей спорят из-за тебя с твоим отцом.

Гудрид почувствовала в душе глухую досаду. Рагнфрид

была всего на год старше ее, но с первого же дня она повела себя так, будто Гудрид намного старше. Гудрид подумала, что эта молодая девчушка, наверное, чувствует себя неловко. Всю свою жизнь она провела здесь, в Гренландии. И Гудрид почему-то пришло в голову, что Рагнфрид так и останется большим ребенком для своего отца и брата, да и для статных исландских и норвежских мореплавателей, которые за эти годы приставали к берегам Гренландии.

– Спорят обо мне? – удивленно переспросила Гудрид. – Отчего же, ты не знаешь?

– Мне они не сказали. Лучше будет, если ты сама сходишь к ним: они ждут тебя на дворе, несмотря на мороз! – Рагнфрид подняла глаза на горные вершины и вздрогнула, будто сама находилась на одной из них. – Торкель даже не дал мне одеться потеплее. Мне надо скорей возвращаться к ткацкому станку! – И она побежала к главному дому, над которым вился дымок.

Обремененная ношей, Гудрид медленно взбиралась по склону наверх, не сводя глаз с трех фигур у южной стены дома, – отца, коротенькой и толстой прорицательницы и кряжистого Торкеля сына Бьярни, хозяина дома.

Торбьёрг-прорицательница была одета все в тот же синий плащ, в котором она пришла на двор вчера вечером. Белая кошачья шапочка делала ее морщинистое печеное лицо похожим на младенца. В слабых сумерках поблескивали разноцветные камушки и бусины на ее одежде, а также латун-

ные гвоздики на посохе.

Подхватив Гудрид под руку, Торбьёрг притянул ее поближе, и девушка ощутила, что эти трое только что ссорились.

– Давайте послушаем, что скажет она сама! – воскликнула прорицательница, бросив косой взгляд в сторону Торбьёрна.

– А я снова тебе скажу: петь заклинания – не дело для дочери христианина! Она крещеная и воспитывалась в другом духе, чем местные дикари! – Торбьёрн словно бы выплюнул последние слова.

– Я слышала, что Гудрид обучена и старым, и новым премудростям, – невозмутимо продолжала прорицательница, – и ее приемная мать Халльдис из Арнастапи научила девочку тем же самым заклинаниям, которые мы с матерью Халльдис вместе пели в Исландии. И я хочу, чтобы девушка спела эти заклинания, так чтобы я увидела нашу судьбу, как просит Торкель.

Она повернула голову и посмотрела на сердитого Торбьёрна, а потом мягко сказала Гудрид:

– Ты ведь сделаешь это, не правда ли? Ты умеешь это, как никто другой.

– Не морочь ей голову! – произнес Торбьёрн низким раздраженным голосом. – Она поступит так, как я скажу. Она должна выйти замуж за достойного человека и родить ему детей, так что не думай, что она пойдет по твоим стопам и будет предсказывать будущее. Она не будет петь для тебя.

Во время этой перепалки юный Торкель стоял, затаив

дыхание, словно бы он больше уже не являлся хозяином Херьольвова Мыса. Он будто утратил часть своего достоинства, которое он обычно показывал, чтобы подтвердить, что Бьярни сын Херьольва умер только тогда, когда сын его возмужал и сделался разумным.

Прорицательница бросила быстрый взгляд на обоих мужчин и улыбнулась Гудрид.

– И все же я думаю, что ты поможешь нам, хотя ты и молишься Белому Христу. Ты и сама знаешь, что можешь присутствовать при этом, не навредив собственной судьбе.

Завороженная ласковыми словами Торбьёрг, Гудрид вгляделась в глаза старой прорицательницы. Они были зеленые, поблескивающие, как льдинки, и вовсе не покраснели от зимней стужи, как у многих других пожилых женщин. Гудрид затрепетала и неожиданно для самой себя рассердилась. Почему отец обращается с ней как с маленькой, когда другие воспринимают ее как вполне взрослого человека, и ей вовсе не хочется обижать этих приветливых гренландцев. Отец сам виноват в том, что Гудрид приходится сейчас выпутываться из неудобного положения!

Сказать, что она с самого своего крещения молится только Белому Христу, – это все равно что привязать овцам большие рога и выдать их за крупный рогатый скот. Девушка крестилась, когда от нее ожидали этого, но никогда не заботилась о том, что думает о ней Белый Христос, когда она занималась своими делами. Скорее всего, Христос интересуется

больше мужскими делами, а не женскими…

Когда Гудрид крестилась, ей было одиннадцать лет. Единственное, что она запомнила, так это то, как противно липло к телу мокрое платье и как она была горда тем, что ее крестным был сам Снорри Годи. Отец позаботился о том, чтобы все его домочадцы были крещены, после того как он вернулся домой с альтинга, где была принята новая вера. Но он никогда не рассказывал о том, почему он так ревностно принял эту веру. Для него, наверное, было важнее всего то, что Христос был Всемогущим Господом и помогал всем верующим в Него. Перед властью отец склонялся.

Гудрид покрепче взялась за свою поклажу и всем телом ощутила, что старая Торбьёрг почуяла ее согласие. Девушка только ждала теперь, что прорицательница возьмет на себя разговор с отцом, так, чтобы Гудрид избежала с ним споров при посторонних.

Среди всеобщего молчания Торбьёрг заговорила:

– Гудрид, твой отец разрешает тебе помочь нам вечером, ибо он знает, что ты по-прежнему послушна ему и Белому Христу. Не так ли?

Торбьёрн медленно кивнул головой: он выглядел так, словно вот-вот проснется. Торкель широко улыбнулся и сказал:

– Решено, только скажи, Торбьёрг, что тебе нужно, и мы все сделаем!

Торбьёрг показала на искусно украшенный кошель, висев-

ший у пояса и довольно пробормотала:

– Все, что мне нужно, находится здесь! И надеюсь, твои люди помогут мне в доме. Гудрид, скажи Герде дочери Арнфинна, что ты сегодня не будешь занята на кухне с ужином. И надень на себя свой праздничный наряд.

Почувствовав в душе облегчение, Гудрид учтиво поклонилась и пошла к кухне, откуда доносился ворчливый голос экономки Торкеля, поругивающей своих служанок. Вот уж, поистине, она заслужила свое прозвище – Кожаные губы! Когда Гудрид открыла дверь, Герда повернулась к ней и грубо сказала:

– Где ты пропадаешь так долго? Положи у очага вяленую рыбу и принимайся за дело! Не могу же я оставить без присмотра этих бездельниц, которые не могут отбить толком мясо. Прежде чем ужин будет готов, половина его уже окажется съеденной.

Она умолкла, переводя дыхание, и Гудрид миролюбиво выложила принесенную рыбу и потерла окоченевшие руки, виновато улыбаясь домоправительнице. Герда похожа на собаку, которая больше лает, чем кусается, подумала она. Когда дома в Исландии люди рассказывали о своих стычках с Гердой Кожаные губы, они вспоминали о ней с добродушной ухмылкой.

– Вот твой ключ, Герда. Меня сегодня не будет: прорицательница Торбьёрг хочет, чтобы я помогла ей вечером петь заклинания. Она спрашивает, не обойдешься ли ты без ме-

ня. Мне очень жаль оставлять тебя одну.

Последние слова были неправдой, потому что на самом деле Гудрид была рада показать свое искусство, которому ее научила приемная мать. Как бы ей хотелось теперь обернуться и увидеть Халльдис, стоящую рядом, но та лежала на дне моря и смотрела пустыми глазами на что-то неведомое и загадочное.

Герда Кожаные губы вздохнула и закатила оплеуху мальчику, который должен был поддерживать в очаге огонь.

– Опять ты клюешь носом! Следи внимательнее, дурень, мне нужны камни погорячее.

Смущенный раб пробормотал что-то на непонятном языке. Гудрид подумала, что ее предок, высокородный бритт Вивиль, никогда не являл бы собой столь жалкое зрелище, как этот хлипкий раб с обвисшими волосами, даже если сам Вивиль тоже был бы захвачен в плен. Королева Ауд Мудрая не дала бы земли кому угодно, с тех пор как сама поселилась в Исландии…

А экономка недовольно продолжала:

– Никогда хозяину Херьольвова Мыса не навести тут порядок, это с такими-то слугами. Попроси, чтобы Рагнфрид пришла помочь приготовить ужин. Да скажи ей, чтобы она приберегла масло, которое нам дал твой отец. Оно только для знатных гостей. А Торбьёрг-прорицательнице, пожалуй, и так много достанется: мы ведь забьем ради нее скот, так как ей понадобятся сердца разных животных.

Герда остановилась, чтобы перенести дыхание, и внезапно быстро и лукаво улыбнулась Гудрид: словно кошка облизнулась язычком.

– Я присмотрю тут на кухне, а ты иди, девочка.

У очага в дымной избе сидело много народу. Несколько женщин поставили на огонь котел, в котором варился мох, и занимались тем, что ставили столы, тогда как мужчины подтрунивали над женщинами, а дети неохотно убирали игрушки.

Свет от висячей лампы падал на Рагнфрид дочь Бьярни, которая ткала в углу комнаты. Спина ее выразительно говорила о том, что все происходящее ее не касается. Гудрид подошла к ней и сказала:

– Рагнфрид, прорицательница хочет, чтобы я помогла ей сегодня вечером, и мне нужно переодеться. Герда просит тебя помочь с ужином…

Рагнфрид отложила в сторону челнок и расправила складки на своей черной шерстяной юбке.

– Мне, наверное, тоже не мешало бы переодеться…

– Ты только помнешь свой наряд в тесноте, – ответила Гудрид. – Торкель созвал всю округу послушать, что скажет Торбьёрг. Я бы и сама не стала переодеваться, но боюсь рассердить духов.

Рагнфрид улыбнулась, как бы ожидая сострадания.

– Я все сделаю, как просят. Разве я могу петь заклинания! Мне только хотелось бы, чтобы Торкель поскорее нашел себе

жену, и тогда мне не придется столько работать в доме.

Улыбка Гудрид выражала больше чувство жалости, нежели веселья. Она уже давно заметила, что у Рагнфрид нет ни матери, ни приемной матери, которые могли бы воспитать ее и научить многим важным вещам в жизни. Та, кто ведет хозяйство, должна уметь больше, чем все остальные женщины в доме, вместе взятые, как всегда повторяла Халльдис. Гудрид попыталась представить себе выражение лица своей приемной матери, когда Рагнфрид жаловалась на непосильный труд…

Она взглянула на свой собственный ткацкий станок. Не так-то много ей удавалось поработать за ним, с тех пор как она оказалась в Гренландии. Придя в себя после дальнего путешествия, она принялась ухаживать за больными на Херьольвовом Мысе. Мор свирепствовал здесь еще до того, как корабль Торбьёрна пристал к берегу, и унес жизнь Бьярни сына Херьольва, после того как тот вместе с юным Торкелем вернулся домой из Норвегии, посетив Эрика-ярла. Благодарные лица, обращенные к Гудрид, когда она обносила больных молочным супом и отваром из трав, вселяли в нее чувство своей полезности этим людям. А времени заниматься шитьем и ткачеством у нее было мало.

Жизнь в этой незнакомой стране была все такой же сумбурной, и девушка желала бы знать, что скажет Торбьёрг об их будущем, хотя мысли о нем страшили Гудрид.

Молодая женщина в горячке металась на скамье в глубине

комнаты, которую Гудрид делила вместе с Гердой Кожаные губы и другими незамужними женщинами. Время от времени больная тряслась в лихорадке, не замечая, что в комнате есть другие. Гудрид укрыла ее одеялом, а потом открыла свой сундук и бережно достала шелковый платок, принадлежавший еще ее матери. Снизу лежала шелковая сорочка с длинными рукавами, которая складками спадала до пола. Поверх сорочки девушка надела платье без рукавов из тонкой синей английской шерсти с бретельками из шелковых лент. Наряд был ей к лицу: может, и отец смягчится, увидев ее такой красавицей.

Она еще пошарила в сундуке и достала кожаный кошель, в котором хранилось золотое обручье и другие украшения. Две позолоченные серебряные броши, подаренные ее матери дедушкой Гудрид, Эйнаром с Купального Берега, были изделием лучшего ювелира из Дублина. В том же стиле были выполнены и заколки для платка. Гудрид подержала украшения на ладони, и металл заиграл огнями, отражая пламя очага. Если бы ее выдали замуж за богатого Эйнара сына Торгейра, который сватался к ней в прошлом году, тогда бы она осталась жить в Исландии и могла бы надевать почаще свои чудесные украшения!

Эйнар был молодым купцом, который жил осенью в Арнастапи, пока торговал своими товарами на побережье. Дела у него шли хорошо, и он разбогател еще больше своего отца, как сказала Халльдис, но отец его был вольноотпущенником,

и в этом – главное препятствие.

Гудрид думала тогда, что это неважно. Когда Эйнар, сидя за столом, начинал рассказывать о людях и краях, которые он видел, это было так увлекательно, что Гудрид забывала о скуке. Откровенный и восхищенный взгляд Эйнара, устремленный на нее, томил ее смутным предчувствием. Юноша настойчиво пытался всякий раз заговорить с ней, когда они встречались, а она столь же настойчиво отговаривалась своей занятостью. Он ей не нравился: словно бы он ощупывал ее взглядом. Беспокойство в ее душе все возрастало, и когда она услышала, что Эйнар просил ее приемного отца выдать Гудрид за него и спросить об этом разрешения у Торбьёрна, ее бросило в жар. Отец рассердился и решительно отказал Эйнару: его дочь никогда не выйдет за сына раба.

Она дохнула на бронзовое зеркало, смахнула со своего короткого, прямого носа соринку и распустила волосы. Наверное, ей хотелось бы иметь от Эйнара детей, будь она его женой: он смотрел на нее так жадно. Само воспоминание об этом взгляде словно обжигало ее. Неужели ей пришлось бы слушаться такого мужа, как Эйнар сын Торгейра, до конца жизни! Отец, конечно, был вспыльчив, но все же он желал своей дочери только добра.

Гудрид заметила, что Торкель взглянул на нее со своего почетного сиденья. Справа от него сидела старая Торбьёрг, а слева – Торбьёрн. Прорицательница слегка улыбалась, огля-

дывая всех присутствующих по очереди, а Торбьёрн выглядел так, будто он объелся тухлого мяса. Он даже не повернулся в сторону дочери.

Когда Гудрид помогла обнести гостей едой и питьем, она сама присела поужинать. Рагнфрид шепнула ей:

– Жаль, что ты не богата, Гудрид. Мой брат от тебя глаз не отрывает!

Гудрид держалась так напряженно, что она даже не обратила внимание на плохое настроение отца, а к намекам Рагнфрид она уже привыкла. Она сама знала, что хорошо выглядит, и ей хотелось с честью справиться с поручением и пропеть заклинания как полагается. И точно так же она знала, что Торкель не возьмет ее в жены. Он высматривал себе невесту с большим приданым. Гудрид же не собиралась провести всю свою жизнь на этом ветреном Херьольвовом Мысе. А кроме того, Торкель и Рагнфрид постоянно показывали, что они рождены в Гренландии, тогда как она со своим отцом приехала из другой страны! Глаза Торкеля были голубыми и немного глуповатыми, не такими синими, пытливыми, как у того юноши, которого она по-прежнему помнит…

Гудрид осторожно положила масла на кусочек рыбы, вложила нож обратно в ножны и спокойно ответила Рагнфрид:

– Если бы мы с отцом были богаты, мы не сидели бы здесь. Мы хотели остаться в Исландии.

Рагнфрид фыркнула и с детской доверчивостью наклонилась к ней поближе.

– Ты ведь знаешь, я хочу выйти замуж до того, как Торкель приведет в дом жену, и он говорит, что присматривает мне хорошего мужа. А мне нравится только один – это Лейв сын Эрика из Братталида.

– Так тебе нравится он или его слава? – Гудрид давно заметила, что такая прямота расценивается Рагнфрид как желание пошутить. И та снова фыркнула, помедлив с ответом.

– Понятное дело, мне нравится его слава. Лейв знаменит, он сильный и умный… Сын хёвдинга из Братталида – хорошая партия, даже если приходится делить дом со старой секирой Тьодхильд! Но люди говорят, что он не собирается жениться вторично: он очень любил свою жену и долго печалился после ее смерти. Потому-то он и уходит часто в дальнее плавание.

Гудрид помнила, как она девочкой однажды видела Лейва, когда тот приезжал к ним в Исландию, и она исполнилась сомнений, действительно ли он путешествует лишь для того, чтобы отогнать грустные мысли. И первое, о чем они с отцом узнали, прибыв в Гренландию, это то, что Лейв сын Эрика, в то же лето путешествовал к далеким странам на западе, где бывал и отец Рагнфрид и Торкеля, двадцать лет назад, когда он сбился с курса по пути в Гренландию. Лейв купил «Рассекающего волны», этот большой корабль Бьярни, – может, он решил, что это волшебное судно вновь принесет его к незнакомым берегам? Пожалуй, он стремился найти не утешение, а богатство в новых землях.

Гудрид стало холодно. Может, ее испугала мысль о неизвестном, чего так жаждал Лейв, а может, пришло время заклинаний Торбьёрг. Она закуталась получше в материнский платок, лежавший у нее на плечах, и посмотрела в сторону почетного сиденья. Торкель поднялся с места, откашлявшись, погладил густую бороду и начал:

– Дорогие гости, поблагодарим Герду дочь Арнфинна за угощение, а Торбьёрг-прорицательницу – за то, что она скажет нам, когда ожидать лучших времен. Злые силы восстали против нас. В этом году охотники возвращались с пустыми руками и с севера, и с востока. Как бы то ни было, они возвращались домой живыми и невредимыми! Люди говорят, что никогда еще так не бывало, чтобы за одно лето погибло столько народу и столько кораблей потерпело крушение. И дома у нас трава выросла короткой. А потом напал на нас мор, и до сих пор он еще не кончился. Плохо дело и у Эрика из Братталида – будем уповать на то, что он доживет до весны.

Торкель замолчал и вытер пот со лба. Гудрид украдкой посматривала на отца. Его красивое, словно точеное лицо было бесстрастно, когда он молча перекрестился. Она поспешила последовать его примеру, ибо знала, о чем он думает. Он приехал в Гренландию просить защиты и покровительства у своего старого хёвдинга, как и обещал много лет назад, когда помог самому Эрику сохранить жизнь и бежать из Исландии, едва Эрик был объявлен вне закона. И теперь

Торбьёрн со своими людьми и домочадцами сидит всю зиму на Херьольвовом Мысе, не зная, что его ожидает в Братталиде следующей весной.

А Торкель тем временем продолжал:

– У нас не хватает тюленей, да и треска совсем пропала. Нам надо было бы узнать, что за проклятие лежит на нас, и когда оно будет снято. Когда столы будут убраны, мы соберемся вокруг Торбьёрг. Пусть кто-нибудь последит, чтобы дверь не открывали, иначе все злые духи устремятся на нас снаружи. Я взываю к Тору, Ньёрду, Фрейру и Фрейе[2].

Когда Торкель сел на место, царившая до сих пор тишина нарушилась кашлем, шумом, двиганием столов. Но люди все делали молча, никто не говорил ни слова, и напряжение в доме возрастало. Один высокий мужчина вытащил свой меч и сел у дверей, а остальные разместились вокруг возвышения в задней части комнаты. Многие все еще лежали в горячке по лавкам, и некоторые из больных никак не могли подняться на ноги вот уже несколько недель. Их бледные исхудалые лица озарялись светом от очага и ламп, висевших в доме, и тепло лишь усилило душный едкий запах, исходивший от одежды людей.

Гудрид стояла в кругу других женщин около Торбьёрг. Она увидела, что отец исчез в маленькой комнате, где мужчины обычно чинили сети и вырезали стрелы для лука. Гудрид подавила в себе чувство разочарования, поняв, что он

---

[2] Главные боги древних скандинавов.

не обратит внимания на ее способности.

Прорицательница опустилась на дорогую подушку, набитую куриными перьями, и поманила Гудрид к себе.

– Поди сюда и встань слева от меня. Тебе надо петь так громко, как только сможешь, и забыть обо всем остальном.

Гудрид и сама знала об этом. «Духи слышат только сильные голоса, – часто говорила ей приемная мать. – И тебе самой нужно услышать духов, так что голова должна быть свободной».

Торбьёрг жестом указала, где должны сесть остальные женщины, затем положила руки на колени, подняла голову и закрыла глаза. Гудрид набрала побольше воздуху, отбросила назад волосы, прижала руки к груди и запела так громко, что горло у нее напряглось:

Аи-ииииии!
Фрейя к нам сейчас идет,
Фрейра за собой ведет.
Без утайки нам скажи,
Что несет твой господин.
И пока земля вся спит,
Фрейя будущее зрит.

Хорошо знакомые слова неслись сами собой. Гудрид сосредоточилась, чтобы поддерживать ровный тон, и осторожно дотрагивалась то до своей груди, то до бедер.

С первыми же словами песни женщины начали хлопать

в ладоши в такт ускоряющемуся ритму. Гудрид ощутила дрожь, запев новое заклинание, более короткое и быстрое, а женщины все продолжали хлопать. Торбьёрг открыла глаза, глядя куда-то вдаль. Затем она медленно открыла свой кошель у пояса и высыпала его содержимое на пол.

Когда же Гудрид приступила к последнему заклинанию, она ощутила на своей щеке легкое дуновение и почуяла запах чистого и ухоженного коня. Она понизила голос, запев в нос, так что казалось, будто лицо ее лопнет от напряжения, и в замедленном темпе допела:

Дух улетел, новый день восходит,
Не рассветом знание приходит.
Божье дитя мы должны накормить,
Имя его мы не смеем забыть!

Последние слова Гудрид почти выкрикнула, широко раскинув руки и повернувшись к прорицательнице. А старуха моргнула и улыбнулась, словно только что проглотила сладкую ягоду. Потом она начала разглядывать разбросанные вокруг нее предметы: птичий камень, трезубые дощечки с высеченными на них рунами, комок серы, засушенный лисий фаллос и другие вещи, назначение которых Гудрид было неведомо. В битком набитом доме стояла мертвая тишина. Наконец Торбьёрг встала.

– Торкель сын Херьольва, я заглянула в будущее. И ты, и многие из твоих людей останутся живы, когда зазеленеют го-

ры, и лето обещает быть теплым и солнечным. Охотники, которых ты пошлешь за оленями, вернутся еще до зимы с хорошей добычей, а когда ты пошлешь кого-то охотиться на тюленей, то получишь вдобавок белого медведя. К лету в море будет полно рыбы, а сено будет длинным и душистым. Эрик Рыжий доживет до следующего тинга в Братталиде. Мор скоро спадет, но прежде еще унесет жизни некоторых, как и голод. А теперь я предскажу судьбу каждого.

Она проворно сошла с возвышения и протянула свой кошель Гудрид.

– Ты славно пела, девочка, именно этого я и ожидала от приемной дочери Халльдис. А потому я поручаю тебе собрать с пола мои священные предметы. Когда ты сделаешь это, я предскажу тебе твою судьбу.

Гудрид протянула руку за кошелем и почувствовала, что она вся дрожит от усталости. Халльдис никогда не предупреждала ее о том, что возникает такое бессилие, когда делаешь все серьезно. Словно бы ее тело куда-то исчезло, а остался только ее голос и слова, а теперь она вновь ощутила себя целой.

Она подобрала с пола одну из трезубых дощечек и взглянула на нее в неверном свете лампы. На одной стороне были вырезаны маленькие руны, гласившие: «Меня сделала Торбьёрг», на другой: «Посвящается Фрейру». Дерево грело руку, и Гудрид поспешила собрать все остальное в волшебный кожаный кошель.

Проталкиваясь через толпу к прорицательнице, девушка слышала людской гул. Все с облегчением радовались добрым новостям. Сама Торбьёрг склонилась над юношей, который за время болезни не мог ни есть, ни пить. Он то и дело отхаркивал мокроту, и лихорадочно горящие глаза его не отрываясь смотрели на Торбьёрг. Та сказала:

– Возле тебя сидит белая куропатка, я вижу ее. Это твой дух-двойник, и он будет с тобой то недолгое время, пока ты еще жив. Умрешь ты легкой смертью.

Юноша слабо кивнул и натянул на себя серый шерстяной плащ, служивший ему одеялом.

– Я так и думал, – сказал он. – А мне так хотелось сделать что-нибудь стоящее в жизни – я собирался вместе с хозяином этим летом на охоту. Но видно, не суждено.

И он так закашлялся, что Гудрид подумала, что предсказание Торбьёрг вот-вот исполнится. Но прорицательница мягко, ритмично провела по лбу юноши рукой, и тот вскоре уснул. Прорицательница взглянула на Гудрид и крепко сжала ей руку.

– Я хочу, чтобы все слышали, что я предскажу тебе, Гудрид дочь Торбьёрна. И твой отец тоже слышит нас! Я вижу твою судьбу: ты удачно выйдешь замуж, и может, не один раз. Ты далеко уехала, а в будущем уедешь еще дальше, ибо ты молодая и крепкая, и тебе не страшны болезни. Норны[3] прядут длинную нить твоей судьбы.

---

[3] Древнескандинавские богини судьбы.

Торбьёрг окружали люди, и они пытались выспросить у прорицательницы что-то свое, так что Гудрид не сразу поняла, что напророчествовала ей Торбьёрг. Она ничего не сказала в ответ и пошла искать своего отца. Но Рагнфрид преградила ей дорогу:

– Как ты думаешь, Торбьёрг может предсказать мне что-нибудь хорошее? Будет ли удобно, если Торкель вызовет ее сюда? А ты не боялась стоять рядом с ней и петь? Ты что, тоже хочешь быть прорицательницей?

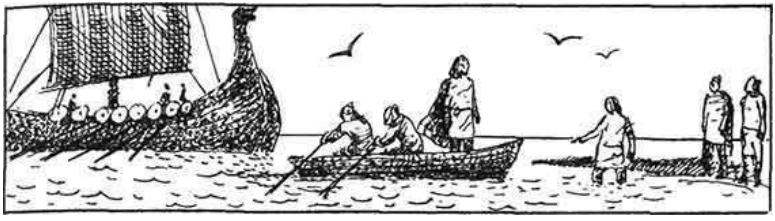
Гудрид сразу не нашлась, что ответить на такое множество вопросов. И поэтому она просто улыбнулась и сказала:

– Торбьёрг действительно ясновидящая.

И она сама тоже, подумала о себе Гудрид. Она ведь тоже видела белую куропатку, и с того самого момента, когда юноша заболел, она поняла, что долго он не протянет. Она только пыталась понять, где пролегает граница между даром ясновидения и тем, что умные люди в Исландии называют колдовством. Можно ли открывать свою душу для чужих сил, как учила ее Халльдис?

Гудрид ждала, когда же кончится этот вечер, и ей хотелось остаться одной, обдумать предсказание Торбьёрг и сопоставить его с тем, что происходило вокруг нее в жизни.

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ ТОРУ И ПРИХОД В ЦЕРКОВЬ



На следующее утро, когда Торбьёрг-проридательница покинула Херьольвов Мыс, Гудрид вышла на двор. Светало. С серого неба падали снежинки, сильнее, чем обычно, слышался шум моря. Из хлева раздавалось приглушенное мычание.

Гудрид направилась к приоткрытому загону, в котором находились кони. Она не видела своего жеребенка с тех пор, как начались хлопоты с прорицательницей. Спотыкаясь и скользя, надвинув шапочку на самый лоб, девушка спешила к загону, откуда доносились стук копыт, фырканье и жевание рыбных остатков и моха.

Она положила локти на перегородку, ищя глазами своего жеребенка среди неясно различимых силуэтов, и тихо позвала:

– Торфинна?

Похрустывание на мгновение прекратилось. Но мягкая морда так и не ткнулась в протянутую руку Гудрид. Она по-

звала вновь:

– Торфинна? Ты спишь?

Гудрид вскрикнула от испуга, почувствовав на своем плече чью-то руку. Внезапно, словно тролль, вырос перед ней Харальд Конская грива в своем поношенном плаще и с мешковиной на голове.

– Здесь нет Торфинны, Гудрид.

– Что это значит? Где же ей быть?

– Наверное, на кухне.

– К-кухне? – Гудрид вздрогнула, будто от удара.

– Да. Прорицательнице было нужно ее сердце.

Онемев от изумления, Гудрид уставилась на Харальда. А тот взволнованно продолжал:

– Твой отец приказал мне забить жеребенка, я не хотел этого. Торфинна была такой красивой.

– Да, – произнесла Гудрид бесцветным голосом. – Это был славный жеребенок.

Путь назад к дому показался ей невыносимо долгим. Гудрид ощущала тяжесть в ногах и голове, будто бы в них было полно камней. Она вдруг заметила, как темно и холодно вокруг.

Тихо помогала она Герде Кожаные губы по дому, надеясь переговорить попозже с отцом. Он избегал ее с тех пор, как она пела для Торбьёрг, а теперь ушел на охоту вместе с Торкелем и Белым Гудбрандом. Постепенно на смену грустной подавленности в душе Гудрид пришла злость. Разве можно

с ней так обращаться, когда они остались вдвоем с отцом и живут из милости в чужом доме!

После обеда Торбьёрн зашел в кухню и бросил у очага связку белых куропаток. Гудрид кинулась ему навстречу:

– Отец, я узнала сегодня, что Торфинну закололи потому, что ее сердце понадобилось Торбьёрг. Это правда?

– Это наша ничтожная благодарность Торкелю за то, что он приютил нас, – сказал Торбьёрн, избегая встречаться с дочерью взглядом.

– Но она была моя…

– И кормилась за мой счет. А ты хотела, чтобы Торкель забил пару собственных лошадей? Торбьёрг были нужны во что бы то ни стало по два сердца от каждой живности на дворе – самки и самца. Белый Гудбранд пожертвовал своего гнедого жеребца.

Торбьёрн заговорил резче, и теперь он взглянул дочери прямо в глаза.

– И потом, я слышал от Гандольва, что ты посвятила жеребенка Тору. Так что он был использован по назначению.

Гудрид выдержала взгляд отца, даже не замечая, что забыла накинуть на себя плащ. Она слышала только свой собственный голос:

Мою мечту убили,
И время замерло,

Когда иссяк сок Снефрид.
Горе мне.
Не восхвалю я бога,
Отнявшего твой дар,
Я помнить буду вечно
Имя друга!

Торбьёрн устало провел рукой по лбу. Глаза у него потеплели, но голос по-прежнему звучал сурово:

– Гудрид, мы не знаем, дотянул бы твой жеребенок до лета или нет. К тому же здесь другие условия, нежели в Исландии. Я спрашивал надсмотрщика Торкеля, почему на таком большом дворе мало лошадей, и он сказал, что люди здесь используют гораздо чаще лодки.

Гудрид промолчала, а в глазах у Торбьёрна заиграла улыбка:

– Ты поймешь со временем, Гудрид, какая сила у слова. Тебе надо было бы прочитать христианскую молитву.

– Но я не знаю молитв, отец.

На мгновение Торбьёрн смешался.

– К весне я научу тебя читать «Отче наш» так же хорошо, как ты пела для Торбьёрг.

Пришла весна, и Гудрид выучила «Отче наш» и поняла, что означает эта молитва на северном языке. Однако она по-прежнему плохо понимала, почему отец обратился в новую веру. За хлопотами она не особенно задумывалась над этим,

тем более что вновь на людей напал мор, они мучались животом и лежали в горячке. У некоторых начали выпадать зубы, а кожа шелушилась. В двух домах, где бывала Гудрид, все дети до пяти лет умерли. Так как эти гренландские рыбаки и бонды были уверены в том, что отвары из трав, которыми поила их Гудрид, не действительны без заклинаний, то Гудрид была вынуждена идти у них на поводу, удивляясь, что никто не видел в этом ворожбы. Людские разговоры ее не заботили, особенно теперь, когда они с отцом были гостями в чужом доме.

Наконец еды стало побольше, как и предсказывала Торбьёрг. Люди Торкеля вернулись с охоты домой, неся двух оленей, а охотники на тюленей подстрелили и белого медведя в придачу. Медвежья шкура досталась Торбьёрну, ибо он был хёвдингом Ульва Левши, который поразил этого медведя, а сам лишился жизни. Харальд Конская грива и Стотри-Тьорви вырыли ему могилу, а Торбьёрн сложил в его честь песню. По напряженному голосу отца Гудрид поняла, что он боится лишиться других своих людей, прежде чем доплывет до Братталида. Сын Белого Гудбранда был хорошим парнем, но ему не хватало опыта и сноровки.

Торкель предупреждал Торбьёрна, чтобы тот не пускался в путь слишком рано. А путь предстоял нелегкий: даже к лету на фьорде Эрика все еще были лед и снег. Когда первые охотники с Херьольвова Мыса отправились промышлять на восток, Торбьёрн занялся своим кораблем. У моря

резко пахло тюленьим жиром, которым покрывали корабль, а Гудрид вместе с другими женщинами латали парус и стирали просоленные одежды, которые ждали своей очереди с того самого момента, как «Морской конь» подошел к берегам Гренландии.

Было выстирано и высушено так много льняной и шерстяной одежды, что Гудрид уже перестала замечать, как покраснели и распухли ее руки от холодной воды и мочи, которую она употребила, чтобы почище отстирать ткань. Герда Кожаные губы рассказывала, что к северу от Эрикова фьорда лежит остров, а на нем бьют горячие источники, и что Гудрид лучше было бы затеять большую стирку именно там. Но девушка понимала, что нетерпеливый Торбьёрн не захочет тратить время и останавливаться в пути. Во всяком случае, было бы замечательно искупаться в горячей воде, как она часто делала в Исландии.

Ожидания Гудрид сбылись. Купаясь в горячем источнике и любуясь дивным видом ледяных вершин фьорда, она чувствовала прилив радости от того, что живет на свете и что они с отцом скоро обзаведутся собственным хозяйством. Такая большая страна, как эта, не может не иметь незанятых сочных пастбищ, да и Эрик обещал не обидеть их!

Она перевела взгляд с жилистой Торкатлы на Гудни. Девочка медленно плыла на спине, и ее рыжеватые волосы были распущены, словно диковинные водоросли на поверхно-

сти воды. Грудь ее начала уже округляться, а в укромных местах появился такой же рыжеватый пушок. Гудрид вспомнила себя подростком. Худенькой девочкой, но достаточно сильной для того, чтобы помогать по хозяйству. Сначала – отцу, а потом, может, и в доме у одного из сыновей Эрика!

Ей вдруг пришло в голову, что она не знает, как зовут двух других братьев Лейва. Похожи ли они на него? Были ли они с ним в плавании? Рагнфрид дочь Бьярни назвала их мать старой секирой: хорошо бы спросить у отца, что она имела в виду.

Гудрид решила воспользоваться случаем, когда все расположились у вечернего костра, поужинав маленьким тюленем, пойманным в невод. Торбьёрн, искупавшись в источнике и насытившись, был явно в прекрасном расположении духа, и Гудрид подсела к нему, рядом с собакой Хильдой.

– Отец, как зовут сыновей Эрика Рыжего?

– Один из них – Торвальд, но они с Лейвом были слишком малы, для того чтобы Эрик взял их с собой в Гренландию, когда он был объявлен вне закона. Затем, есть еще Торстейн. Он родился уже в Гренландии и, пожалуй, на три зимы старше тебя. И Лейв, и братья его слывут храбрыми ребятами. А кроме того, у Эрика есть дочь от другой женщины: это произошло, когда Тьодхильд заболела. Девушку зовут Фрейдис.

– А что Тьодхильд дочь Йерунда, какая она? Рагнфрид назвала ее секирой.

– Так оно и есть! Тьодхильд умеет повернуть все по-сво-

ему. Трудно идти против той, которая в родстве с самими норвежскими конунгами и с могущественным родом из Островного фьорда! Жажда странствий у нее в крови, и среди ее родичей есть еще Снебьёрн Кабан и другие отважные мореплаватели. В роду у Эрика тоже много храбрецов-первооткрывателей: его прапрадеду приходился братом Наддодд Викинг, предок твоей матери, как ты знаешь. А еще один родич Эрика открыл Гуннбьёрновы острова у берегов Гренландии еще до Снебьёрна Кабана. Так что у Лейва и его братьев в роду немало уважаемых людей. Что же касается Тьодхильд, то Эрик Рыжий, пожалуй, был единственным во всей Исландии, кто смог держать ее в узде.

Голос Торбьёрна смягчился, как всегда, когда он вспоминал о своем старом хёвдинге, и глаза его заблестели. Остальные, сидя вокруг костра, охотно слушали его рассказ, а их новый лоцман, молодой парень из Херьольвова Фьорда, собиравшийся поохотиться на севере Братталида, вступил в разговор:

– Люди говорят, что Эрик Рыжий наотрез отказался креститься, когда и Тьодхильд, и многие их домочадцы приняли крещение от английского священника, пришедшего в их края несколько лет назад. Тьодхильд после этого отказалась делить с мужем ложе.

Глаза Торбьёрна потемнели, и он поднялся со своего места.

– Люди пустое говорят. Время трогаться в путь, если мы

хотим добраться до Братталида рано утром. Мы и так потеряли слишком много времени и здесь, и в Кетилевом Фьорде.

Направляясь на север, они некоторое время плыли по Фьорду Кетиля, ибо Торбьёрн пожелал отыскать семью Эйольва Баклана и передать его невесте греческие серьги, подарок от жениха. Отец Эйольва принял известие о смерти сына с каменным лицом, но было заметно, что он с жадностью слушает похвалы Торбьёрна, расточаемые погибшему лоцману. Послали за невестой и ее родителями, а для гостей выставили на стол все самое лучшее. Гудрид показалось, что она давно не ела таких вкусных вещей с тех пор, как покинула Исландию.

Она сказала молодой девушке:

– Как жаль, что ты больше не увидишь Эйольва!

Та пожала плечами в ответ, посмотрела на горные склоны и пробормотала:

– Да я едва помню его лицо. Его не было три зимы, а достаточно одной, чтобы забыть все, что было в прошлом.

Гудрид затопило отчаяние. Что за жизнь ее ждет в чужих краях, и все из-за того, что отец не хотел показаться бедняком в Исландии? Неужели и она со временем будет рассуждать так же, как невеста Эйольва?

Торбьёрн вел свой корабль прямо вперед, в направлении западного ветра. По ночам Гудрид часто просыпалась оттого, что лед с глухим стуком натыкался на корпус судна, и на

борту сразу же раздавалось недовольное блеяние и хрюканье животных. День тоже был полон разнообразных звуков: стаи морских птиц кричали, кружа вокруг судна; трещали льдины, и мрачно шумели волны. А Торкатла время от времени ворчала:

– Надеюсь, что этот мальчишка, который называет себя лоцманом, еще не сбился с пути! Мне пока еще хочется вновь оказаться на суше.

И все же лоцман недаром ел хлеб на корабле, ибо «Морской конь» без задержек достиг мелководья, войдя в устье Эрикова Фьорда, а затем они подошли к тому месту, где ледяные горы образовывали узкий, темный фьорд справа от борта, являясь своего рода разделительной линией. До сих пор им почти не попадалось других судов, но за пределами горной гряды вокруг них просто кишели всякие лодки, и люди окликали незнакомцев:

– Откуда вы идете и куда направляетесь, и кто капитан корабля?

– Это корабль Торбьёрна сына Кетиля с Мыса Снежной Горы в Исландии, а направляется он к Братталиду!

На западном берегу фьорда лежали большие дворы, а со всех сторон виднелись заснеженные горы и тучные пастбища. Когда фьорд снова расширился, лоцман отдал приказ направиться в сторону от крутых скал, и «Морской конь» медленно заскользил вдоль западного берега Эрикова Фьорда. На зеленом склоне Гудрид заметила богатый двор. Воз-

ле него простиралась лужайка с большими амбарами. Наверное, это были площадка тинга и место торговли в Браттали-де.

Пока корабль причаливал и люди Торбьёрна спустили парус, к берегу верхом на лошади приблизился могучий старик. Все лицо его заросло кудрявыми рыжими волосами и бородой. За ним бежал мальчик лет семи, тоже рыжий. Внизу у воды стояли дети и несколько молодых людей с серпами и лопатами. Вокруг них крутилась большая собака, неугомонно тявкая и виляя хвостом всякий раз, когда ей отвечал дружный лай на борту корабля.

Торбьёрн не спеша примерился к приливу и отливу, и когда нос «Морского коня» коснулся суши, он перекрестился и приказал бросить якорь и отдать шварты. Затем он сменил свою кожаную шапку на черную фетровую шляпу с широкими полями, набросил на плечи затканный шелком плащ и попросил Стейна спустить на воду лодку.

А тем временем люди молча и настороженно стояли на берегу, вокруг старого всадника, – все, за исключением рыжего мальчика. Он забежал в воду так далеко, что она доходила ему до колен, и когда к нему приблизилась лодка, он решительно схватил ее за корму и потянул к себе изо всех сил.

– Спасибо за помощь, Торкель сын Лейва, – сказал ему Торбьёрн и ступил на сушу. С распростертыми руками он двинулся навстречу старику.

– Ты помнишь меня, Эрик? Теперь я приехал к тебе в

Гренландию.

Эрик Рыжий распахнул объятия: по его морщинистому лицу текли слезы.

– Торбьёрн сын Кетиля! Твой голос я узнаю когда угодно, даже если не догадался, что это твой корабль поднимается вдоль фьорда. Я ведь почти ослеп и до сих пор еще не оправился от осенней горячки. Так что я не схожу с коня до тех пор, пока не окажусь снова у дома. Дай мне твою руку, друг мой, и добро пожаловать ко мне на двор. Сколько с тобой людей?

– Гудрид, моя дочь, еще одна женщина и маленькая девочка, а потом – двенадцать человек команды, кроме меня. Это вместе с лоцманом из Херьольвова Фьорда.

– Вы можете остаться у меня в Братталиде до тех пор, пока не расчистите себе место и не построите дом. Лейв взял с собой много людей и отправился к далеким землям на Западе, так что в доме просторно.

Он повернулся в сторону двора и усмехнулся.

– Тьодхильд будет рада женскому обществу, это уж точно! Я возьму твою дочь с собой, пока ты разгрузишь корабль. Можешь занести вещи на мой склад, – он вон там, на площадке тинга. Так рано в этом году к берегу пристают только купцы, которые торговали зимой на Херьольвовом Мысе, и пока твой корабль здесь единственный.

Дрожа от волнения, Гудрид поспешила сменить платье и накинунуть на себя синий плащ.

Прежде чем Стейн отвез ее к берегу и отец представил ее Эрику, навстречу гостям вышли оба сына хозяина. Они были одного роста с отцом, но темноволосый Торвальд казался изящным, несмотря на крепкие мускулы, тогда как Торстейн отличался рыхлой фигурой, словно бы его вылепили из светлой глины. Хотя свободная рабочая одежда не могла скрыть его сильных мускулов. Из-под закатанных рукавов рубахи виднелись руки, покрытые золотисто-рыжими волосами. Курчавые волосы и борода тоже имели рыжеватый оттенок. Когда он приветливо улыбнулся Гудрид, она увидела, что глаза у него темно-коричневые, сияющие на открытом, добродушном лице.

Девушка чувствовала себя свободно, идя вместе с двумя братьями наверх, к дому. Наискосок от фьорда лежала широкая зеленая равнина, а за ней – крутые горы. Оттуда доносилось воронье карканье. Одна за другой тянулись громадные скалы к северу, а по берегам лежали заливные луга, и на них росли березы и ивы.

Гудрид невольно воскликнула, увидев, до чего же хороши пастбищные земли в Братталиде. Торстейн довольно усмехнулся.

– Да, здесь лучше, чем в Исландии! Зимой мы способны прокормить шестнадцать коров.

– А что рыба, ловится? – спросила Гудрид, поглядывая на водную голубую гладь с качающимися в ней отражениями ледяных вершин.

– Да, улов неплохой. Охотимся еще и на тюленей и китов. А в реках попадаются жирные гольцы: мать наверняка угостит тебя и свежей, и вяленой рыбой, так что сама попробуешь! Летом, охотясь на севере от Братталида, можно разбогатеть еще на шкурах и моржовых клыках. Теперь, когда Лейва нет дома, а отец нездоров, один из нас остается на дворе, а Торвальд отправляется на север на несколько дней. Смотри, вон стоит корабль нашего отца.

И Торстейн показал рукой на другой берег фьорда, где виднелся свежевыкрашенный корабль Эрика, словно павлин среди стаи гусей, каковыми казались прочие лодчонки.

– Этому кораблю всегда сопутствует удача, и он бывал в дальнем плавании! – сказала Гудрид и с улыбкой повернулась к Торвальду.

– Удача зависит от капитана. Но корабль этот действительно отличный, и я охотно бы отправился на нем к чужим берегам, – ответил Торвальд. Он явно предпочитал, чтобы говорил брат, но Гудрид видела, что и он приветлив к ней.

Войдя на двор, они увидели слева маленькую церковь и кладбище, окруженное низенькой каменной оградой. Торстейн сказал:

– Мы называем ее материнской церковью – отец никогда не входил в нее. А ты, наверное, крещеная, как и все остальные в Исландии?

– Да… – Гудрид в смущении думала, что сказать, потому что лоцман предупредил их, что Эрик и Тьодхильд поссори-

лись из-за новой веры. – Отец научил меня христианским молитвами, и я знаю, что они означают на северном языке, но я не совсем понимаю их.

Торвальд отвернулся, а Торстейн дружелюбно сказал:

– И не только ты одна. Зачем забивать себе голову?

На дворе царила оживленная суматоха, слуги сновали из дома в кладовые и обратно, готовясь достойно принять гостей. Эрик сошел с коня, поддерживаемый слугой, и, откашлявшись, медленно направился к дому. Главный вход был обращен прямо к фьорду и украшен нарядной резьбой. Ни один корабль не подошел бы к берегам Братталида незамеченным, подумала Гудрид.

Площадка перед домом была вымощена плитами из красного песчанника с маленькими белыми закруглениями, и таким же камнем был выложен длинный фасад. Дом был достоин своего хёвдинга, и женщина, встретившая их на пороге, выглядела как жена и дочь хёвдинга. Она двигалась медленно, словно у нее болели суставы, но осанка ее была горделивой, и прямая спина походила на стройную мачту, а морщинистый загорелый лоб был высоким и выпуклым. Гудрид учтиво склонила голову, а Тьодхильц дочь Йерунда сказала:

– Милости просим в Братталид, Гудрид дочь Торбьёрна. Твой отец помог мне с маленькими детьми в самые тяжелые для нас годы, и я всегда жалела, что не видела его собственную дочь. Ты, конечно, устала с дороги и голодна, так что угощайся, пока мы дождемся Торбьёрна с его людьми.

Она пригласила Гудрид войти в дом. В очаге весело горел огонь, и зажгли уже много ламп, которые светили ярче дневного света, скудно просачивающегося через отверстие для выхода дыма и маленькое окошко, Гудрид обратила внимание на то, что стены были увешаны коврами, и сердце ее забилось от радости. Как хорошо оказаться в таком богато убранном доме и сидеть рядом с Тьодхильд у северной стены!

Торстейн подвел Эрика к почетному сиденью, а сам сел слева от отца. А Торвальд вернулся к прерванной ради гостей работе.

Гудрид так старалась произнести хорошее впечатление, что чуть не опрокинула миску с водой, которую подала ей Тьодхильд для умывания. Девушка не осмеливалась поднять глаз, пока хозяйка сама не протянула ей чашку с парным молоком. Перекрестившись, Гудрид сделала маленький глоток.

– Пей, не бойся, девочка, – сказала Тьодхильд. – Ты крещеная, а потому знаешь, что Христос завещал нам поступать с другими людьми так же, как мы бы хотели, чтобы поступали с нами. Когда я впервые оказалась в Братталиде, то больше всего я желала попить свежего молока.

– Не забивай девушке голову, – хмыкнул Эрик. – Я будто слышу речи того священника, которого привез с собой Лейв. Он уверял меня, что земля плоская, ибо так учит церковь! Но только простофиля может ляпнуть такое бывалому мореплавателю. Мне пришлось заткнуть уши и выпроводить это-

го лгуна со двора.

Смех Эрика перешел в раздирающий кашель, и все умолкли. Широкое, доброе лицо Торстейна омрачилось.

– Отец, я схожу к Гамли и Гриме. Может, Грима что-нибудь новое посоветует?

– Да что там новое? – брюзгливо возразил Эрик. – Хотя люди и говорят, что она колдунья, но я ни во что ее не ставлю: она толком-то и руны вырезать не умеет. А ее снадобья мне ни капли не помогли. Я просто старею.

Гудрид нерешительно произнесла:

– Ты не пробовал горечавку, Эрик сын Торвальда? По дороге сюда я заметила, что ее много растет на лугу. А от кашля хорошо помогает мать-и-мачеха и марьянник. Моя приемная мать выучила меня некоторым заклинаниям над травами…

Внезапно она смутилась и покраснела, не осмеливаясь взглянуть на Тьодхильд. Наверное, хозяйка дома окажется против старых целебных средств, раз она исповедует новую веру в своей церкви.

– Угощайся солониной, Гудрид, – громко сказала Тьодхильд. – Потом я покажу тебе наш двор и место, где ты сможешь приготовить свои отвары, пока вещи не распакованы. Мне-то самой тяжело наклоняться к огню.

Гудрид с облегчением перевела дух и встретила одобрительный взгляд Торстейна сына Эрика. Может, ее пригласили в дом, не дожидаясь остальных, потому что видели в ней

будущую невестку? Мысли об этом были и у нее, и у Торбьёрна! А Торстейн был так добр.

Она отвернулась и обвела взглядом зал: он был великолепен, с обшитыми деревом стенами и прямыми столбами, подпирающими крышу, с ровным утрамбованным полом. Она похвалила дом и добавила, что он выглядит совсем новым.

– Да, – довольно ответил Эрик, – этот дом построен прошлым летом, когда старый сгорел. Одна глупая служанка Тьодхильд оставила дверь открытой, а сама пошла за материалом для своего ткацкого станка, и злые духи ворвались внутрь.

– А я и не знала, что в Гренландии столько древесины, – сказала Гудрид, оглядывая широкие доски на стенах.

– Да, с древесиной здесь неплохо. Многое из того, что ты видишь, прибило к берегу у Бревенного Мыса. Именно там вы с Торбьёрном и построите себе дом.

Сердце в груди у Гудрид замерло. Их новый дом будет совсем поблизости! Ей поскорее хотелось покончить с ужином. Тьодхильд наконец поднялась из-за стола, и все поблагодарили ее за ужин.

А Гудрид вслед за Тьодхильд и Торстейном вышла на залитый солнцем двор, тогда как Эрик остался на своем почетном сиденье. Солнце слепило ей глаза, и доносившиеся со двора звуки стучали в голове, пока Тьодхильд вела ее мимо дома и амбаров, прямиком к бурому крутому утесу, с кото-

рого открывался чудесный вид на внутренную часть фьорда. Тьодхильд показала рукой на зеленую косу, которая тянулась перед ними.

– Там будет твой дом, Гудрид. Эрик держал эту землю незанятой как раз для такого случая. Когда вы выкорчуете и сожжете кустарники, там будет славное пастбище, а в серединной бухточке найдется место для лодки. Отсюда тебе не видно, но к юго-востоку от Бревенного Мыса прямо из ледника берет свое начало речка. Ты быстро поймешь, что лучше тебе держаться подальше от течения в устье реки: вода там прямо как в котле кипит. А теперь пойдем, я покажу тебе свою усадьбу.

Тьодхильд шла медленно, величественно, и Гудрид не спеша могла помечтать, как она будет помогать по хозяйству в Братталиде, когда будет жить здесь. У Тьодхильд была опытная домоправительница Хальти-Альдис, и Гудрид сама могла убедиться в этом, видя надежные запасы молока и еще мясо и рыбу, подвешенные над очагом. Похоже, что прислуги и рабов на дворе хватало, ибо все вокруг было ухоженным и прибранным. Над всем царило такое спокойствие, что никто бы не подумал, что хозяин и его жена с некоторых пор не уживаются вместе.

Взглянув на кладовые, где Тьодхильд хранила шерсть и лен, она направилась к небольшой церковке, стоявшей на возвышении к югу от главного дома. Невдалеке журчали два ручья, сбегая по отлогому склону, образуя собой речку, и

Гудрид пришло в голову, что Тьодхильд и Эрик сами похожи на эти ручьи. Разница в том, что они не хотят слиться в одно целое. Так что главной трудностью для Гудрид в Братталиде будет примирение со старой верой Эрика и новой – Тьодхильд.

Прежде чем войти в церковь, Тьодхильд перекрестилась и оставила за собой западную дверь открытой. При свете из этой двери, да еще маленького окошка в восточной стене Гудрид различила красноватые плиты из песчаника, которыми был выложен пол, и большую шкуру белого медведя, лежащую перед полкой с маленьким крестом и лампой. Гудрид сразу перекрестилась и обвела глазами все это уютное треугольное помещение церкви, покрытой дерном.

– Как здесь красиво! – сказала она Тьодхильд. – Никогда не видела такой огромной медвежьей шкуры…

– Да, медведь этот пару зим назад повадился к нам на двор. Эрик не хотел убивать его. А дерево, из которого сделана церковь, называется красной березой. Не так давно мы купили его у купцов с норвежского корабля. Лейв возвращался домой и заметил людей, потерпевших кораблекрушение в шхерах возле берегов Гренландии. Он взял их с собой, а следующей весной отправился назад, за их древесиной, которую они везли на корабле. Им она уже не понадобилась: они слишком долго ждали помощи в шхерах и вскоре после того, как оказались у нас, умерли. Эрику не понравилось, что Лейв отдал мне эту древесину на строительство церкви, но

Лейв сознавал свой долг, тем более что именно он привез с собой священника.

– А где теперь ваш священник? – спросила Гудрид.

Тьодхильд села на скамью и сделала Гудрид знак, чтобы та села рядом с ней.

– Я расскажу тебе и об этом тоже. Лейв отправился к королю Олаву сыну Трюггви в Норвегию, после того как погостил у вас с Торбьёрном в Исландии. В то время в Норвегии было много доблестных исландцев, и король Олав уговорил некоторых из них взять с собой назад в Исландию святых отцов, чтобы обратить язычников в новую веру. Король удерживал Кьяртана сына Олава и многих других сыновей хёвдингов в качестве заложников, но Лейв никогда не беспокоился о себе, ибо когда стало известно, что король захватил его, то следующее норвежское судно, которое бы поплыло в Гренландию, точно нашло бы там свою смерть. Король Олав – мой друг, и он хотел, чтобы мы тоже приобщились к истинной вере, а потому он попросил Лейва взять с собой в Гренландию английского священника, ученого мужа, твердого в вере, но вспыльчивого.

Тьодхильд прихлопнула комара и продолжала:

– Купцы везли сюда далеко не лучшее зерно или железо. Они все равно были уверены, что мы будем им благодарны за то, что у них найдется на корабле. Так же получилось и с Патриком Священником. Он не желал оказать честь королю Олаву в Исландии, так что пришлось Гренландии приютить

его. Нечего сказать, он был приятным человеком, сильным, очень сильным. Вначале он не очень хорошо изъяснялся на нашем северном языке, но у него был необычайно красивый голос, и он знал множество притч о Белом Христе. Он крестил и меня, и Торвальда с Торстейном. Оба мальчика, так же, как и я, хорошо понимали, что так принято среди мудрых людей. Лейв принял крещение в Норвегии. Но эта чертовка Фрейдис, сводная сестра моих сыновей, слушает только Эрика и отказалась креститься. И она, и муж ее из Гардара стоят друг друга. Патрик пытался обратить Эрика, но тот обозвал его болваном.

– Но как ты пришла к своей новой вере? – спросила Гудрид, боясь, что Тьодхильд будет отвечать ей так же уклончиво, как Торбьёрн. Тьодхильд слабо улыбнулась.

– Патрик был вовсе не так глуп, как представлял себе Эрик. Он заметил, что я устала не спать по ночам из-за мужниной похоти, и благословил меня на то, чтобы я отказалась делить ложе с язычником. Священник поведал мне о чудесах, которые творила святая принцесса Суннива в тех местах, где жили и некоторые из моих норвежских родичей. Ежегодно я поминаю ее в своей церкви. Когда Патрик собрался уезжать, он дал мне бочонок со святой водой и сказал, что пока у нас не появится новый священник, я могу использовать чудодейственную силу этой воды для того, чтобы крестить и отпевать людей. А сам он освятил и мою церковь, и кладбище.

– Почему же он уехал? – спросила Гудрид.

– Как еда, так и настроение легко меняются после долгой зимы… Дело осложнилось тем, что надсмотрщик Эрика едва терпел Патрика. По любому поводу он выходил из себя и говорил, что этого священника нельзя и за мужчину-то считать, а бог его – сплошной обман. Патрик старался не замечать ни этих оскорблений, ни жертвоприношений Эрика в праздник середины зимы, но когда Эрик начал готовиться к середине лета – тут священник не выдержал. Он носился по двору от дома к дому, осенял себя крестом и изрыгал проклятия, а надсмотрщик ревел, что Эрику следовало бы использовать Патрика вместо кобылы, которую тот откормил для спаривания со своим жеребцом. Не успели послать за мной, как Патрик ударил надсмотрщика ножом в грудь, да так сильно, что нож прошел через него насквозь. Люди боялись потом вытащить этот нож из груди убитого, в страхе перед той силой, которая помогла Патрику нанести удар. Так мы и похоронили надсмотрщика у юго-восточной стены. Эрик прогнал Патрика со двора, и тот сперва переехал в Гардар, у Эрикова Фьорда, а потом дальше на юг, спасая свою жизнь. Последнее, что мы слышали о нем, – что он уплыл с Китового Острова куда-то далеко.

Тьодхильд молча поднялась, перебирая свое ожерелье.

– А сейчас я зажгу лампаду, и мы вместе прочтем «Отче наш».

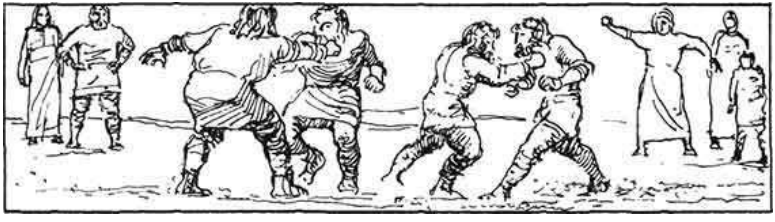
Гудрид послушно преклонила колена на белую медвежью

шкуру, рядом с Тьодхильд. Коптящая лампадка пахла жиром полярной акулы, и девушка чувствовала себя уверенной и почти счастливой.

Выговаривая сложные латинские слова, она услышала стук копыт по тропинке, ведущей вниз от церкви. Мелодичное цоканье, звуки мелких камешков, летящих из-под копыт в стороны, понукание погонщика, – все это вызвало в Гудрид волну нежданных воспоминаний. А ей так хотелось забыть тот день, когда она прощалась с Хеллисвеллиром или когда была на альтинге. И еще более не хотела она вспоминать о том, что когда-то у нее были и белоснежная кобылка, и вороной жеребенок, а теперь осталось лишь бесполезное седло.

Сердце ее горячо забилось, и девушке показалось, что оно вот-вот разорвется.

ПОЯВЛЕНИЕ ХОЗЯИНА ХОЛМА



Торвальд со своими людьми отправился на север, и Белый Гудбранд с детьми – вместе с ними, чтобы добраться до Светлого Фьорда в Западном Поселении; там, на Песчаном Мысе, Эрику Рыжему принадлежала половина большого хутора. Гудбранд поживет в его доме, пока не раскорчует землю, доставшуюся ему от Эрика. Гудрид даже в своих хлопотах и заботах тосковала по Гудбранду и его детям.

Тьодхильд не оставляла ее ни советом, ни помощью. И хотя рабы и прислуга в Братталиде побаивались хозяйку за ее острый язык, они все равно охотно трудились на нее, потому что она всегда отдавала ясные и четкие приказания. Тьодхильд была довольна тем, как работает Гудрид и в молочной кладовой, и в ткацкой, и Гудрид радовалась, видя, что старшие одобряют ее. Трудно было сказать, что думает о ней Торстейн как о невесте, так как он приходил домой, успевая только поесть и сразу же лечь спать.

Но и он не преувеличил, когда сказал, что в Эриковом

Фьорде еды хватает и людям, и животным. Однако лето было здесь не таким долгим, как в Исландии, и люди постоянно пополняли запасы продовольствия на зиму. Когда Торбьёрн и его люди не жгли хворост в саду Бревенного Мыса или не собирали камни, бревна и дерн для постройки дома, они отправлялись вместе с Торстейном сыном Эрика, на охоту или на рыбалку или же заготовляли корм для скота в Братталиде.

Гудрид не могла надивиться на то, что гренландцы еще находили время собираться на тинг; в середине лета они пожаловали на площадку в Братталиде: кто приплыл, кто пришел, а кто прискакал верхом. На площадке тинга из очагов в земле разносился вкусный запах мяса и рыбы, и нежные побеги щавеля и дягиля продавались вместе с вареными яйцами кайры, внутри которых было нежное птичье мясо. Гудрид никогда не видела, чтобы продавалось больше одной кружки пива. Пива не было ни в Братталиде, ни на Херьольвовом Мысе. И теперь она знала, что у людей в доме редко бывало и зерно, и ячмень.

Несмотря на свой кашель, Эрик довел все дела на тинге до конца, показав при этом осведомленность и мудрость. И потом, долгими светлыми вечерами народ развлекался борьбой, играми в мяч и мерялся силами, совсем как в Исландии. А в один из вечеров устроили даже танцы. Гудрид танцевала вместе с Торстейном сыном Эрика и Эгилем сыном Торлейва – восьмилетним сыном брата Снорри сына Торбранда из Кимбавога.

С Эгилем они стали хорошими друзьями. Мальчик, едва услышав о приезде Гудрид и ее отца, часто выходил на дорогу, ведущую через гребень холма в Братталид. Ему очень хотелось уехать, и он мог бесконечно слушать рассказы Гудрид о дяде Снорри и двоюродном брате Торбранде, которых он просто обожал. Однажды Эгиль с гордостью произнес:

– У меня есть брат, и он купец! У него собственный корабль! А зовут его Торфинн сын Торда, и живет он в Скага-фьорде. Если он к нам приедет, я наймусь к нему на корабль!

Когда Гудрид теперь, после долгого перерыва, вновь танцевала на тинге, ей было уже гораздо проще забыть о Торфинне сыне Торда, о Снефрид и всем прочем, что было связано с ее прежней жизнью в Исландии. Оживление на площадке для танцев и веселье создавали ощущение дома, и невозможно было не быть довольным гостеприимством, которое Гудрид и ее отцу оказывали в Братталиде.

Если бы только не одолевали комары! Даже в самые жаркие дни Гудрид вынуждена была носить длинные чулки, чтобы не оказаться искусанной. Она выпустила руку Торстейна, чтобы прихлопнуть комара, который сидел за ухом. Улыбнувшись, она сказала:

– В первый день, когда я была здесь, ты рассказывал мне, Торстейн, как чудесно жить в Эриковом Фьорде. Но тогда ты забыл похвалиться, что здесь же водятся самые ненасытные комары!

Торстейн весело усмехнулся, как всегда.

– Меня учили быть скромным.

К ним подбежал маленький Торкель и схватил Торстейна за руку.

– Дядя, иди скорее, тебя зовет дедушка! Там, на склоне, дерутся!

Торстейн остановился и потянул Гудрид за собой.

– Кто там дерется, почему дерется?

Рыжие волосы Торкеля, казалось, высекали искры, пока мальчик подпрыгивал на месте от нетерпения.

– Торгрим Тролль и Хамунд из Эйнарова Фьорда поссорились с Торвардом, мужем Фрейдис, и с одним из его людей, – а почему, я не знаю.

Пока они бежали к склону, Торстейн негромко рассказывал Гудрид:

– Всякий раз, когда Торгрим Тролль остается на лето в Гренландии, начинаются распри. Он и его шурин слывут главными забияками в округе. Надеюсь, что мой шурин сможет за себя постоять. Хотя надо сказать, что Фрейдис машет топором получше своего мужа.

Гудрид охотно верила в это. Фрейдис дочь Эрика, с круглым, хмурым лицом и крепко сбитым телом, напоминала разгневанного тюленя. Она очень мило встретила Гудрид в первый раз, но когда поняла, что Тьодхильд благоволит к девушке и что Гудрид крещеная, то не упускала случая лишний раз злобно заметить, что есть же люди, которые заяви-

лись сюда, в Гренландию, и живут себе припеваючи на содержании у других. Эрикова родня умела усмирить ее, но самого Торварда она не уважала и вышла за него замуж только ради его богатства.

И вот теперь Фрейдис дочь Эрика стояла впереди остальных зрителей и смотрела на четырех дерущихся. Гудрид с облегчением заметила, что они нападают друг на друга с голыми руками, без оружия. Ей, как и другим женщинам, приходилось обрабатывать раны многим вспыльчивым парням на тинге.

На руках Фрейдис всякий раз побрякивали обручья, когда она потрясала кулаками, подбадривая своего тщедушного муженька:

– Торвард, не прячься за спиной у Гудольва, словно теленок! А ты, Гудольв, овечья душа, поднажми, и ты уложишь их обоих!

Эрик, верхом на лошади, врезался прямо в дерущихся, когда к месту события подоспели Торстейн и Гудрид. Торстейн протолкнулся сквозь толпу зевак и встал рядом с отцом. Его лицо, обычно добродушное, теперь пылало гневом.

– Отец и я не желаем, чтобы кто-то нарушал мир на тинге! Так что расходитесь, добрые люди, и возвращайтесь к своим делам. И ты тоже, Фрейдис! – И Торстейн сердито посмотрел на сводную сестру.

Фрейдис держалась заносчиво, однако ослушаться не посмела. Она направилась прямо к Гудрид.

– Торстейну захотелось перед тобой покрасоваться, Гудрид. Нетрудно заметить, что и ты на него заглядываешься!

Гудрид улыбнулась и промолчала. А Фрейдис уставилась на нее своими круглыми, выпуклыми глазами, и продолжала:

– Ты, конечно же, понимаешь, что за Лейвом бегать бесполезно. Если он вернется целым и невредимым из своей поездки – жениться он не собирается: он и сам сказал мне об этом, когда я предлагала ему посвататься к сестре Торварда.

– Для меня выберет жениха мой отец, – отметила Гудрид. – Так же, как и твой отец выдал тебя замуж по своему усмотрению.

Фрейдис злобно дернулась, но язык попридержала. А Гудрид повернулась к ней спиной и посмотрела в сторону блестящего зеркального фьорда, на поверхности которого качались маленькие лодки, словно листва в бочке с водой. В лодках сидели люди, и это наверняка были влюбленные: они переговаривались, отгоняя от себя комаров… С берега доносились нежные и мелодичные звуки. Это Стейн учил Торкеля играть на свирели, вырезанной из дудника.

Гудрид медленно поднималась к дому, охваченная непонятной, внезапной тоской. Уже зацветали лютики, колокольчики и ослинники, но девушка почти не замечала красоты вокруг себя. Остановившись у порога, она затем повернула к пригорку, с которого открывался вид на Бревенный Мыс. Оттуда были хорошо видны и двор, и стены будущего Торбьёрнова дома, но жилище это не носило следов жизни: оно

выглядело пустым и заброшенным. Тяжесть легла на сердце.

Направляясь обратно к дому, Гудрид бросила взгляд на большую березу, стоящую на холме. Эрик, когда строил себе дом, оставил это дерево, ибо верил, что под ним живет домовой Братталида. Вот что-то мелькнуло возле ствола: это было серое, кругленькое существо. Потом оно пропало за холмом. Гудрид перекрестилась и поспешила в дом.

Собака Тьодхильд сонно тявкнула на девушку, и служанка Турид Златокожая выглянула посмотреть, кто там. Она сказала Гудрид:

– Тьодхильд еще не ложилась, она разговаривает с Торбьёрном, так что проходи, не бойся.

Огонь в очаге уже не горел, и угли были убраны на ночь. Единственным источником света в большом доме была лампа рядом со спальной нишей Тьодхильд. Гудрид смогла различить отца и Тьодхильд, которые сидели в другом конце зала, причем так натянуто, словно бы оба находились в гостях. Она услышала, как ее отец говорил:

– Гудрид получила хорошее воспитание и научилась вести хозяйство. А кроме того, ее приемная мать сама была искусной целительницей и обучила ее своим премудростям. И хотя Гудрид многое умеет и даже обучена руническому письму, она никогда не занималась ворожбой. Я сам был против того, чтобы она пела для Торбьёрг-прорицательницы, но ее очень просили все остальные. Она у меня славная девочка, крещеная. Ты и сама ее уже знаешь.

– Не беспокойся, Торбьёрн, мне действительно понравилась твоя дочка. И все видят, что она хорошо воспитана и умеет ткать и работать по дому. Я верю, что ее травяные отвары помогли Эрику, хотя до выздоровления ему далеко. Я завела этот разговор только потому, что женщины из Херьольвова Фьорда обращаются к Торбьёрг, чтобы ворожить. Плохо, что Торкель с Херьольвова Мыса отправляется на охоту, вместо того чтобы поехать на тинг и заставить замолчать всех этих сплетниц…

Тьодхильд подняла глаза на Гудрид как раз тогда, когда девушка собиралась проскользнуть незамеченной к своей постели, которую она делила вместе с Торкатлой.

– Что-то случилось, Гудрид?

Гудрид почувствовала себя на виду, словно прозрачный малек креветки.

– Нет, ничего, я просто устала. И еще комары одолели.

Она попыталась улыбнуться.

– Надеюсь, что от храпа Торкатлы они разлетятся.

Словно радуясь тому, что разговор с Тьодхильд оказался прерванным, Торбьёрн с легкостью сказал:

– Эрик Рыжий говорит, что завтра будет ветер, так что комаров останется совсем немного. Спокойной ночи, Гудрид.

Гудрид подошла к отцу и поцеловала его. От него пахло свежестью, загорелой кожей и чистым льняным бельем, а глаза у него были такими приветливыми, что если бы с ними не было Тьодхильд, то Гудрид обязательно поделилась бы

с ним увиденным, когда домовой показался ей у холма. Девушке очень хотелось знать, что думает об этом отец и что могло бы значить это видение.

– Спокойной ночи, отец. Спокойной ночи, Тьодхильд.

Она поклонилась им обоим и залезла на кровать, потеснив Торкатлу, которая уже спала, повернувшись к ней своей могучей широкой спиной.

Пушистый кот Халльдис спал у нее в ногах, и Гудрид осторожно вползла под одеяло, чтобы не потревожить животное – то единственное, что еще сохраняло живую связь с приемной матерью девушки. Она закрыла глаза, но долго не могла уснуть. В эту летнюю ночь все любили друг друга, а она лежит тут, рядом со старой, храпящей женщиной, и никому она не нужна.

Она прижалась мокрой щекой к подушке и попыталась утешиться тем, что отец защищал ее от сплетен, которые распускали люди, думая, что она занимается колдовством вместе с Торбьёрг-прорицательницей. И Тьодхильд поверила ему. Глупо было бы ожидать, что Торстейн или кто-нибудь другой посватается к ней прежде, чем они с Торбьёрном покажут, на что они способны и построят собственный дом.

На следующий день дул такой сильный северо-восточный ветер, что, казалось, траву на площадке тинга вырвет с корнем.

У Гудрид разболелась голова, да так, что ей было даже тяжело дышать. Позднее, днем, когда она остановилась у кла-

довой, чтобы перевести дыхание, мимо нее медленно ехал Эрик Рыжий с одним из своих слуг. Несмотря на недуги и старость, Эрик выглядел настоящим важным хёвдингом, и одет он был в красный плащ, затканный серебром. Заметив Гудрид, он сказал:

– Что же ты не идешь к молодежи, на площадку тинга?

– Я… я сейчас пойду, как только мне станет полегче. Это, наверное, из-за погоды…

Эрик подъехал к Гудрид, положил руку ей на плечо и заглянул прямо в глаза.

– Этот священник Тьодхильд, пустомеля, думает, что его святая вода может исцелить людей. Против твоего недомогания есть только одно лекарство: все пройдет, когда ветер переменится. И если бы священник сумел повлиять на ветер, тогда, может быть, и я бы у него полечился, хе-хе!

Он поперхнулся и резко закашлялся. Переведя дух, он выпрямился в седле и строго посмотрел на Гудрид своими красными, воспаленными глазами.

– Поддерживай во мне жизнь, девочка, пока Лейв не вернется домой. Я хочу узнать, что за страна лежит от нас на западе. Лейв думал взять меня с собой, но лучше было, чтобы он сам командовал на корабле в этом плавании.

За всеми своими хлопотами Гудрид совсем позабыла и о Лейве, и о его плавании, и теперь слова Эрика вновь пробудили в ней любопытство. Она погладила его жеребца и спросила:

– А как ты думаешь, Эрик, когда должен вернуться Лейв?

– До зимы, если он вообще вернется.

Эрик слабо улыбнулся.

– Я вовсе не жду, что ты будешь няньчиться со мной всю зиму, и, кроме того, я просто не вынесу дольше твоих горьких отваров!

Гудрид улыбнулась и почувствовала, что головная боль начинает проходить.

В ту ночь она грезила, как к берегам Братталида подходит большой корабль, и она сама – в толпе встречающих. На берег спустился Лейв сын Эрика, за ним бежала мохнатая собака – огромная, словно бычок, и с ошейником из чистого золота. А следом шел Торфинн сын Торда в зеленом плаще, ведя под уздцы Снефрид, и еще дальше – Орм и Халльдис с маленьким мальчиком, похожим на Торфинна сына Торда.

Когда тинг завершился, в долинах заморосил дождь, перемежаясь с туманом. Молча и неторопливо скатали люди свои палатки и спальные мешки, а потом разъехались по домам. Гудрид оставалась в Братталиде и чувствовала большое облегчение, словно в ней лопнул застарелый нарыв. Руки стали нежными от того, что она постоянно чесала шерсть и наматывала ее на веретено. Словно бы эта мягкая шерсть окутала и ее мысли. Широкая спина Торкатлы излучала довольство, когда она стояла у ткацкого станка, а Тьодхильд так же мир-

но хлопотала у очага, разглаживая швы льняной сорочки горячими, гладкими камнями.

Арни Кузнец был единственным, кто неуютно ощущал себя в эти холодные дни. Он все пытался найти для своих искалеченных ног удобное положение, морща лоб и вырезая из рога ковшик. Гудрид догадывалась, что кузнец ненавидит сидеть дома, когда все остальные мужчины работают на свежем воздухе, наслаждаясь волей. И Арни все чаще садился у дома, занимаясь какой-нибудь мелкой работой, и посматривал в сторону фьорда. Ему нравилось представлять себе, будто бы он тоже трудится на берегу, как он сам однажды сказал, и прибавил при этом, что друзья сослужили ему плохую службу, когда спасли его от белого медведя на Севере и потом живым привезли домой. С тех самих пор он больше ни на что не годился.

Гудрид возразила ему.

– Но ты вырезаешь такие чудесные вещицы из моржовых клыков и прочего…

– Это так, но тебе, как женщине, не понять, как там, на Севере! Ты просыпаешься на борту корабля и слышишь, как белой ночью всхрапывают во сне сотни моржей. Или ты видишь, как кипит вода вокруг кита, охотящегося за косяком рыб! А потом ты только успеваешь грузить на свой корабль моржовые клыки и рога единорогов, совсем позабыв об опасной близости скрелингов[4].

---

[4] Название эскимосов и североамериканских индейцев в исландских сагах.

Гудрид хотелось узнать, видел ли он когда-нибудь живого скрелинга.

– Да, конечно, когда я был в тех краях, ибо сыновья Эрика – люди предприимчивые. Скрелинги маленького роста, темнокожие, любопытные, и они явно занимаются колдовством. Их всегда привлекали железные изделия. Торвальд однажды вовремя остановил меня, когда я уже было собрался обменять маленький ножик на три рога единорогов!

Гудрид думала, есть ли скрелинги в неведомых землях на Западе. Она жалела Арни Кузнеца за его увечье, но вместе с тем и завидовала ему, ибо он видел такое, чего ей не узнать за всю жизнь.

Именно Арни первым заметил корабль Лейва. Это было солнечным осенним днем, когда началась охота на хохлача, а на полях и равнинах рос душистый подмаренник. Люди сбежались на берег, услышав крик Арни. Они приставляли руку козырьком к глазам, чтобы получше рассмотреть, что там, на водной глади фьорда, и разглядеть цвета паруса, а большой пес Эрика заливался громким лаем, скача вокруг своего хозяина, всполошив остальных дворовых собак. Когда стало видно, что парус на приближающемся корабле – в синюю и белую полоску, Торстейн помог отцу сесть на коня, а сам посадил сзади себя маленького Торкеля. Гудрид так хотелось поехать вместе с ними, но женщины должны были остаться в доме, чтобы подготовить встречу гостей.

Тьодхильд велела Хальти-Альдис потрошить и жарить

уток, а детей послала во двор нарвать черники. Потом она сказала Гудрид:

– Это поистине счастливый день, раз сын мой возвращается домой. Пойдем вместе в церковь и прочтем благодарственную молитву.

По дороге в церковь Гудрид бросила взгляд на берег. Лейв уже спустил парус, и корабль его медленно подходил к берегу, гордый, словно парящий орел. Восточный ветер доносил до нее обрывки речи стоящих на берегу, но холодные стены церкви Тьодхильд поглотили все звуки снаружи.

Тьодхильд зажгла лампаду и положила возле распятия букетик ослинника, а потом опустилась на колени рядом с Гудрид.

– Благодарим Господа Иисуса Христа за то, что Он вернул в Братталид Лейва сына Эрика. Отче наш…

В тот вечер все наелись вдоволь, даже рабы. Кроме жареных уток, приготовили копченую солонину, отварили тюленье мясо, выставили на стол масло, простоквашу, жирного гольца, сыр, кашу, ягоды.

Лейв сидел рядом с отцом, на почетном месте. В его каштановых волосах и бороде появились седые пряди, и он заметно постарел с тех пор, как Гудрид видела его в последний раз. Всякий раз, когда он наклонялся к рыжему мальчику, сидящему у него на коленях, лицо его смягчалось, а глаза делались такими же радостными, как у Эрика Рыжего.

Гудрид легко сумела представить себе, каким был Эрик в свои молодые годы. И сейчас он держался так властно, что никто не смел выспросить у Лейва, что он видел в чужих краях. Все ждали разрешения Эрика.

Когда наконец женщины убрали со стола и уселись с пряжей в руках, Эрик медленно поднялся, держа большой рог, окованный серебром. Он прокашлялся, и глаза его при этом весело поблескивали из-под густых бровей.

– От имени всех собравшихся я благодарю Тьодхильд за щедрое угощение. Прежде чем мы сели за стол, она сказала, что хочет дать мне бочонок вина, который у нее был припрятан, чтобы я поднял вот этот рог в благодарность Христу и богам. И теперь я хочу выпить за счастливое возвращение Лейва в благодарность Тору, Одину, Ньёрду, Фрейру и Белому Христу, если он пожелает принять мою благодарность.

Кашель прервал его речь. Придя в себя, Эрик отпил из рога и передал его Лейву, затем – Торбьёрну и сделал знак Гудрид, чтобы она обнесла вином всех остальных гостей. Гудрид украдкой взглянула на отца. Глядя прямо перед собой, он перекрестился.

Торстейн учтиво взял из рук Гудрид рог и отпил из него. Улыбаясь, он сказал:

– Теперь твоя очередь, Гудрид. Ты когда-нибудь пробовала вино?

Она отрицательно качнула головой, покраснев от того внимания, которое он проявил к ней у всех на виду.

– Ты должна попробовать хоть капельку. Сегодня большой праздник.

Гудрид послушно пригубила вина. Оно было горько-сладкое и холодное: пожалуй, отвар одуванчиков будет лучше.

Когда она, обойдя всех гостей, вернулась на свое место, она чувствовала себя обессилевшей. Только бы дождаться того мига, когда Лейв начнет рассказывать о своем путешествии!

Как и его отец, Лейв был прекрасным рассказчиком. Сперва он поблагодарил своих родителей за радушный прием, а свою команду – за славную службу, а затем передал всем привет от Торвальда. Вблизи от Медвежьего острова он повстречал корабль брата.

– Торвальд просил меня передать вам, что охота на моржей такая удачная, что он вернется домой только после подсчета овец. У них на борту много шкур и мяса, а возле мачты я своими глазами видел целую кучу рогов единорогов. И когда я сравнил богатства Торвальда с тем, что я с моими людьми вез домой, то решил, что любой купец, который пожалует к нам в Братталид, найдет что купить!

Лейв заложил пальцы за пояс, обвел поддразнивающим взглядом всех собравшихся и продолжал:

– Первая страна, к которой мы подошли, была плоской, как каменная плита, и вокруг лежал снег. Но мы все равно сошли на берег, ибо не хотели, чтобы кто-то упрекнул нас потом в отсутствии любопытства. Страна эта и с моря каза-

лась пустынной, и на самом берегу. Травы здесь не росло, и я назвал ее Страной Плоских Камней. Потом мы поплыли дальше на юг, и берег был у нас с правого борта. Наконец мы увидели, что земли становятся все живописнее, и мы решили вновь пристать к берегу. Страна, к которой мы приплыли, была одной сплошной равниной, и всю ее покрывали леса, а потому мы прозвали ее Лесной Страной. Между тем мы не хотели запастись древесиной, чтобы корабль шел налегке, а к тому же дул попутный ветер с северо-востока, и мы продолжили свой путь на юг. И снова нас несло по течению, а земля была у нас с правого борта. Ранним утром нам попался один остров, затем другой, а вскоре – и мыс, выступающий прямо в море. Прежде чем плыть дальше, мы сошли на второй остров. Никогда мы не пробовали слаще воды, чем на том острове.

Вокруг раздались утвердительные возгласы людей Лейва.

– Ни на суше, ни в море не было ни единой души: даже потом, когда мы поплыли вдоль западного берега мыса. Мы видели в пути отдельные острова и шхеры, а затем мы пристали к берегу в большой бухте. Берег порос травой и дикой рожью. Мы не хотели дожидаться прилива и отправились к берегу на лодках. А потом вернулись к «Рассекающему волны» и вытащили корабль на берег, чтобы затем разгрузить его. Земли вокруг нам пришлись по вкусу, и мы занялись строительством хижин. Из небольшого озера текла речка, и в ней мы обнаружили форель и лососей. В нашей бухте во-

дилось много камбалы, а с берега мы заметили стаи морских птиц и множество тюленей. По пути к этим берегам нам попадались киты, а озеро кишмя кишело треской. Вокруг же самой бухты валялось множество бревен, так что нам было из чего построить дома. Да и дерн там был отличный: ведь ни один человек до нас не втыкал лопату в эту землю…

Гудрид пыталась представить себе эти края. Описания Лейва напоминали ей то, что в новой вере зовется Раем, о котором Тьодхильд говорила, что в нем еще лучше, чем в Вальхалле.

– Я последовал твоему совету, отец, и разделил свою команду на две группы: одна сторожила у домов, а вторая исследовала местность. Ведь сперва нам надо было увидеть, следует ли защищаться на новой земле от людей или троллей. И первое, что мы обнаружили поблизости от наших хижин, – это болото, но никаких следов людей и духов мы так и не увидели. Затем мы обогнули мыс и проплыли вдоль его восточного берега. Но и там мы увидели лишь необитаемые земли, а потому вернулись на прежнее место и построили себе несколько прочных домов для зимовки.

– Когда мы обжились на новом месте, мы снова поплыли на запад, потом на юг, держась все время вблизи от берегов. В реках там водился жирный лосось, а в лесах росли стройные деревья. Люди нам по-прежнему не встречались. Мы не знали, что за духи обитают на тех берегах, а потому совершали жертвоприношения возле самых высоких деревьев и

самых широких лугов, чтобы они не погубили нас. Так что вся моя команда вернулась вместе со мной домой – и даже Тюркир, – хотя однажды мы уже думали, что он погиб!

Все повернулись, чтобы посмотреть на вольноотпущенника Тюркира, который нянчился с Лейвом, когда тот был в возрасте Торкеля. Гудрид редко встречалось такое располагающее к себе лицо, как у него. Немец Тюркир слыл надежным человеком, и он без памяти обожал своего воспитанника. И из того, что дальше рассказывал Лейв, становилось ясным, что Тюркир, ко всем своим искусствам, умел еще и приготовлять вино.

Лейв подождал, когда утихнет гул голосов, и продолжал:

– Однажды вечером Тюркир не вернулся домой вместе с остальными, и дюжина наших людей отправилась искать его. Они заметили его на опушке леса: он шел им прямо навстречу, выкрикивая что-то и размахивая руками, словно кто-то испугал его до смерти. А потом мы заметили, что он просто невероятно веселый и довольный! Он сказал нам, что нашел виноград: чудесные, спелые гроздья винограда на таких толстых лозах, словно это сам Мидгардский змей. Вскоре мы и сами увидели эти виноградные лозы. В лесу лежала солнечная долина, и каждое дерево на ней было обвито виноградом. Мы наполнили виноградными гроздьями целую лодку и потом волочили ее назад. Много ягод мы съели прямо на месте, а остальное Тюркир поместил в кожаные мешки. Возможно, вино, которое он приготовил, было не таким

вкусным, как в этот вечер, но нам оно понравилось. Наверное, там рос другой сорт винограда…

Тюркир сердито проворчал из своего угла:

– Меня взяли в плен совсем молодым, но уже тогда я мог различить вкус истинного винограда! И я не слышал, чтобы кто-то пожаловался на мое вино.

Другие зашикали на него, и Лейв продолжал:

– В первый раз мы отведали Тюркирова вина, когда праздновали самый короткий день в году: тогда солнце стояло в зените, прежде чем мы успели позавтракать, а закат наступил после полудня. Снега не было, но стоял туман и иногда налетал штормовой ветер с моря. Леса там растут дикие, непроходимые, повсюду полно разных ягод, а трава там такая сочная, что мы пожалели, что не взяли с собой скот. Плодородные земли эти мы назвали Виноградной Страной.

Гудрид заметила, как довольно улыбается Тюркир, когда Лейв сел на место и вокруг все загалдели. Встал Эрик.

– После того, как мы услышали рассказ Лейва, нам, думаю, следует побывать в этой стране. А теперь я хочу попросить Лейва разделить по справедливости привезенный груз.

Лейв вновь поднялся, положив руку на плечо сына.

– Как мы и договаривались год назад, я получаю две части, будучи владельцем корабля и капитаном. А третью часть делит поровну вся команда. Помимо древесины, у нас много другого на борту: дюжина бурых медвежьих шкур и столько же – белых, несколько десятков шкурок куницы, выдры,

бобра, рыси…

Гудрид почти засыпала, и голос Лейва казался ей отдаленным ворчанием. В мыслях она представляла себе горы пушистых мехов, и все они окутывали ее, усыпляли… Эти меха будут согревать богатых людей во сне далеко, к югу от Норвегии.

Когда норвежский купец Эрлинг Укротитель волн пожаловал в Братталид на своем корабле, нагруженном железом, зерном, ячменем, льном и медом, он был поражен мехами Лейва. Когда они договорились о цене, он сверх того прибавил от себя мешок ячменя, а Тьодхильд подарил маленький шелковый платочек. Эрлинг пообещал зайти в Эриков Фьорд прежде, чем он следующей весной будет возвращаться домой в Норвегию. Он собирался поторговаться с Торвальдом, который вернется с охоты домой, о моржовых клыках и рогах единорогов. Но прежде он поплывет наверх, к Западному Поселению.

Эрик рассказал Эрлингу, какие цены установлены в тех местах, и Гудрид услышала, как Торстейн говорил Лейву:

– Это купец, который готов продать за деньги своего шурина! Когда я в прошлом году был в Западном Поселении, люди рассказывали мне, что Эрлинг вздувал цены на свои товары вдвое.

Лейв пожал плечами и улыбнулся.

– Наверное, Эрлинг думает, что он и так платит людям

слишком много, потому что сообщает им новости в придачу.

А это действительно немало, подумала Гудрид. Эрлинг Укротитель волн навестил по дороге Исландию и рассказал жителям Братталида, что на юге страны все теперь заняты распрей между сыновьями Ньяля из Берггорсволла и Флоси сыном Торда и его людьми. Судя по всему, плохо приходилось старому Ньялю…

Еще когда Гудрид жила на Мысе Снежной Горы, вся эта распря, которая разгорелась вокруг мудрого старого Ньяля, была для нее чем-то отдаленным. А теперь, когда она изо дня в день видела лишь горы Гренландии, она и вовсе воспринимала известия из Исландии как диковинку. Тем более что Эрлинг Укротитель волн был не из тех, кто умел красочно описать происходившее: рассказ его отличался сухостью, будто бы он не повествовал, а взвешивал крупу.

Пока купец рассказывал, все мысли Гудрид обратились к предстоящему подсчету овец. Нагуляет ли скот Торбьёрна жирок на пастбищах, и все ли животные вернутся домой?

В тот день, когда овец загоняли в большой загон к северо-западу от двора, лил проливной дождь, но Гудрид за всеми хлопотами и думать забыла о плохой погоде. Подсчет овец проходил не так аккуратно, как она привыкла это делать в Исландии, но везде свои порядки. Прислуга, пастухи и хозяева методично обходили загон и осматривали метку на ухе у овец, перебирая пальцами вдоль палочки с зарубками

для счета. В воздухе звенели людские голоса, овечье блеяние и лай собак.

Торбьёрн с Эриком были несказанно рады результатам подсчета. Ни одна взрослая здоровая овца не пропала бесследно. А Харальд Конская Грива и другие пастухи получили вечером двойную порцию еды.

Начался убой скота. Однажды, когда Гудрид нарезала мох и жир для кровяных колбас, ей почудилось, что к Братталиду приближаются люди. Но так как никто из домочадцев ничего не замечал, она промолчала и вновь погрузилась в работу. А через некоторое время она увидела, что Тьодхильд выпрямилась, вытерла руки о передник и перекрестилась.

– Вы не слышите, как кричит Стейн? Он увидел корабль Торвальда!

Все высыпали на двор, чтобы посмотреть, как Торвальд приближается к берегу на старом Эриковом корабле. Поверхность фьорда сверкала так ярко, что глаза ломило, а в небе носились чайки и вороны, крича, словно они торжествовали при виде корабля.

Эрик на своем жеребце тронулся к берегу, сопровождаемый Лейвом и Торстейном. Гудрид знала, что Торстейн боится оставлять отца одного и следит, чтобы тот не упал с лошади. В последние недели после возвращения Лейва зрение Эрика все ухудшалось, и силы его покидали. И Гудрид уже думала, что Эрик пророчески сказал о том мешке ячменя, который подарил ему Эрлинг Укротитель волн:

– Это пойдет мне на поминки.

Корабль Торвальда шел тяжело, глубоко погрузившись в воду, так что было похоже, что удача ему сопутствовала, как и предсказывал Лейв. Гудрид быстро подсчитала в уме запасы, хранящиеся в погребах Тьодхильд. Пожалуй, на зиму их хватит, – и для людей, и для скота. Хотя многое зависит от того, останутся ли люди Торвальда перезимовать в Братталиде.

Восемь членов команды Торвальда действительно остались, и в ту осень в Братталид не пришло больше ни одного корабля. В ночь середины зимы Эрик устроил большой пир и принес в жертву свое главное сокровище – золотисто-гнедого жеребца, – чтобы следующее лето оказалось для них благоприятным. Жертвенной кровью окропили каждую постройку на дворе, а останки жеребца были зарыты на холме под большой березой. Внимательно проследив за тем, чтобы все было сделано как полагается, Эрик медленно повернул к дому, поддерживаемый Торвальдом и Торстейном, а за ними шел Лейв с жертвенной чашей в руках.

Эрик сел на почетное место, и Тьодхильд подала ему рог, до краев наполненный тем пивом, которое он повелел ей сварить к пиру. Он сказал, что пир этот должен быть щедрым, и гости на него прибыли из самих дальних мест. Гудрид радовалась тому, что ей не пришлось одной варить пиво из такого дорогого ячменя, а Тьодхильд сказала ей, что за пиво будет

отвечать она и что в ее роду по крайней мере четыре поколения подряд славились своим искусством приготовлять пивные дрожжи. На этот раз пиво получилось тоже отменным.

Итак, Эрик восседал на почетном месте, держа дрожащими руками рог. Голос его звучал тихо, но твердо:

– Прежде чем начать наш пир, я призываю богов и воздаю им хвалу за долгую, счастливую жизнь, прожитую мной. В Валхалле меня уже ждет мой жеребец, и в скором времени я отправлюсь вслед за ним. Я чувствую это по болям в груди. У нас здесь хватит и пива, и угощения для прощальной тризны. Но пока я еще жив, я хочу в присутствии множества свидетелей объявить свою последнюю волю. Дочь моя, Фрейдис, уже получила приданое, выйдя замуж, но после моей смерти я завещаю ей еще крапчатую корову и мой нож с серебряной рукояткой. Пусть она отдаст этот нож своему первенцу.

Взгляды гостей устремились на беременную Фрейдис, которая стала еще больше походить на толстого тюленя. Но она не поднимала глаз ни на отца, ни на мужа, и только злобно косилась в сторону братьев.

– Младший мой сын, Торстейн, получит мою часть двора на Песчаном Мысе, и в этом случае ему не надо затягивать с женитьбой. А Торвальд и Лейв вместе будут владеть Братталидом. Однако не забывайте, что двор этот принадлежит и вашей матери тоже, так что пока она жива и здравствует, она останется в доме хозяйкой. Лейв, в следующий раз в Винланд поедет Торвальд, ибо ты остаешься вместо меня

хёвдингом, и дел у тебя будет достаточно дома. Вам троим я завещаю два корабля. Они вам пригодятся, если окажется, что вы захотите строиться и жить в новых краях. А теперь я прошу вас повременить год и привыкнуть к новому положению, прежде чем кто-то из вас надумает жениться.

Гудрид испытывала такое чувство, будто ее хлестнули мокрой тряпкой. Когда стало известно, какие перемены ожидаются в Братталиде, она поняла, как привязалась к Торстейну, всегда излучающему уверенность и спокойствие. Она боялась оставить этот двор, чтобы к весне переехать на Бревенный Мыс. На новом месте Торбьёрн уже отстроил дом – грубо сколоченный, маленький, без привычного приятного запаха подвешенного над очагом мяса, без молока и шерсти.

Переведя дыхание, Эрик продолжал, но так тихо, что Гудрид должна была напрячь все свое внимание:

– Я просил Торбьёрна сына Кетиля и Торлейва сына Торбранда, оценить все прочее мое имущество, которое не принадлежит Тьодхильд, – так, чтобы мое наследство было поделено поровну. С одной оговоркой: Лейв получит после меня мой острый меч, Костолом, потому что он останется хёвдингом в Братталиде. А Торкелю достанется моя зелено-желтая лента на лоб, которую Тьодхильд выткала для меня в юности: ведь мальчик унаследовал мои рыжие волосы.

Гудрид украдкой взглянула на Тьодхильд. Ее изящное загорелое лицо с высоким лбом оставалось неизменным, с тех пор как Эрик начал свою речь; руки хозяйки были сжаты, а

взгляд устремлен на мужа.

Эрик отер пот со лба и перевел дыхание.

– Наконец, когда мне осталось недолго жить, я хочу, чтобы Тьодхильд благословила меня своей святой водой, чтобы я мог быть похоронен возле ее церкви. Я ведь понимаю, что именно там она захочет покоиться, когда настанет ее черед. А теперь будем же веселиться!

И он передал рог с пивом дальше, а женщины тем временем внесли блюда с едой. Шум голосов в доме возрастал, по мере того как гости все больше хмелели от пива. Эрик говорил мало, ничего не ел, но всякий раз, когда наступала его очередь, помногу отпивал из рога. Вид у него был хмельной и довольный. Когда гости принялись готовиться к ночлегу, он все продолжал сидеть на почетном месте, словно пытаясь продлить пир еще на миг.

Тьодхильд тихо сказала Гудрид:

– Дитя мое, подожди ложиться. Плохи дела с Эриком.

А Эрик ворчливо произнес:

– Я же сказал, что смерть моя близка. И я устроил этот большой пир… Лучшего прощания с жизнью нельзя и придумать, если только воин не погиб на поле брани. И не нужно мне от вас никаких отваров и советов. Болезнь моя и так затянулась.

И он сполз на пол. Торстейн поднял отца и понес его на кровать, а Тьодхильд подложила ему под голову перьевые подушки. Дыхание больного сделалось быстрым и прерыви-

стым, а когда он закашлялся, то из горла пошла кровь.

Тьодхильд послала Торвальда в церковь, чтобы принести бочонок со святой водой. Погрузив пальцы в воду, она совершила крестное знамение над своим мужем.

– Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа.

Эрик открыл глаза и криво улыбнулся.

– Ты долго ждала этого.

– Лучше бы ты крестился, – буркнула Тьодхильд. – Но я рада, и тому, что есть.

– Так оно и есть. Все, что мы собирались сделать вместе, мы совершили.

Он закрыл почти ничего невидящие глаза и попытался подавить кашель, который снова клокотал в нем. Потом он протянул руку к жене и сказал:

– Прощай, Тьодхильд. Я не вижу своих сыновей, но знаю, что они рядом. Ни у кого нет таких отличных ребят… Следи за тем, чтобы они не позабыли старинных обычаев.

Эрик умер, когда едва забрезжил рассвет. В предрассветной дымке Гудрид различила очертания белого медведя.

Тьодхильд сидела на скамье, выпрямившись, как мачта, и смотрела на опустошенное лицо Эрика и на его глаза, которые забыли теперь, что значит моргать. По щекам вдовы медленно струились слезы, но она хранила молчание. В доме было так тихо, что Гудрид почувствовала себя плывущей на корабле, который вдруг сел на мель в густом тумане.

Арни Кузнец, Тюркир и Стейн смастерили из винландской древесины гроб. Эрик Рыжий был похоронен у южной стены Тьодхильдовой церкви, и Торбьёрн сложил памятную песнь в честь друга. А все гости, пожаловавшие на осенний пир Эрика, справили тризну по хозяину дома и проследили за тем, чтобы наследство было поделено согласно последней воле усопшего. Тьодхильд и ее сыновья одарили гостей щедрыми подарками, и те отправились восвояси, приготовившись высидеть по домам долгую зиму.

АРНИ КУЗНЕЦ

После поминок по Эрику замерз фьорд, и Тьодхильд посоветовала Гудрид сшить теплую одежду из шкур, что добыл Торбьёрн. Раньше Гудрид никогда не приходилось шить одежду из меха: подобными вещами в Исландии занимались рабы и прислуга. Поучившись делать плотные стежки и смочив нитки из жил, она взялась за темный плащ из тюленьей шкуры. Торкатла предложила ей обшить шапочку хвостиками белых песцов.

– Да кто обратит на это внимание, – печально ответила Гудрид. Торкатла закатила глаза, но промолчала.

В другой половине дома обычно сидел Арни Кузнец, занимаясь досками для бочек. Он не любил вмешиваться в женскую болтовню, но на этот раз обратился к Гудрид:

– А может, сюда придут скрелинги и возьмут тебя с собой, когда увидят в новой одежке!

Гудрид вспыхнула, перекрестилась и молча склонилась над шитьем. А Тьодхильд резко возразила:

– Не надо болтать лишнее, Арни. Когда мы с Эриком впервые оказались в Братталиде, мы обнаружили множество подтверждений тому, что когда-то здесь жили скрелинги. Плохо же нам будет, если они вернутся, а еще хуже, если начнут похищать наших женщин.

Темные глаза Арни заблестели, и Гудрид вдруг подумала, что до своего несчастья это, наверное, был красивый, статный мужчина. Он взял костыли и коротко ответил:

– Прости, Тьодхильд. Я вовсе не собирался кого-то испугать. Я хотел сказать только, что красота Гудрид дочери Торбьёрна здесь пропадает зря.

Он с трудом сполз с лавки и заковылял к двери. У Гудрид зазвенело в ушах от той тишины, которая воцарилась в комнате после того, как за Арни захлопнулась дверь. Арни осмелился высказать вслух то, о чем она едва могла думать. «Одной зимы хватит, чтобы забыть все то, что было прежде», – сказала тогда невеста Эйольва Баклана. И Гудрид часто размышляла, не забыли ли ее саму.

После смерти Эрика Торстейн проводил все свое время с братьями. В доме трое мужчин говорили лишь о хозяйстве и приготовлениях к будущему лету, когда Торвальд на «Рассекающем волны» отправится к берегам Виноградной Страны. А на втором корабле Торстейн поплывет на Север, чтобы устроиться в доме на Песчаном Мысе, прежде чем отправится на охоту. Когда за столом Гудрид подавала Торстейну блюдо или чашку, он рассеянно смотрел на девушку и учти-

во благодарил ее, а потом сразу же поворачивался опять к братьям с каким-нибудь замечанием, вроде этого:

– Насколько я помню, на верхнем лугу Песчаного Мыса придется вырыть канаву!

Был ли разочарован отец Гудрид отсрочкой, которую предложил своим сыновьям Эрик, – неизвестно, но не говорил он ничего и о том, условились ли они с Эриком о женитьбе своих детей или нет. Торбьёрн всегда был скрытным, так что Гудрид это было не внове.

Однако она заметила некоторые изменения во внешности своего отца. Светло-каштановые волосы его совсем поседели, на красивом лице глубоко залегли морщины. И седой стала ухоженная борода. А на щеках и руках выступили коричневые старческие пятна. И тем не менее он держал своих людей и самого себя еще в большей строгости, чем в Исландии.

Как только стало возможным, Кольскегги, Харальд Конская Грива и Стотри-Тьорви переправились по льду, чтобы обнести каменной оградой усадьбу на Бревенном Мысе. Все трое рабов чувствовали себя все увереннее: к весне они получат свободу. А Гудрид часто смотрела на них и думала, что той же весной станет хозяйкой на Бревенном Мысе, и в услужении у нее будет одна лишь Торкатла. И если она даже здесь, в Братталиде, чувствует себя иногда одинокой, то что же с ней будет на новом месте, где от хутора до хутора столь длинные расстояния?

И на праздник середины зимы, и на Рождество в Братта-

лид приезжают гости с другого берега фьорда и со дворов по соседству. Но обычно в простые дни жизнь замирает. В короткие зимние дни долгие путешествия немыслимы даже для мужчин. А жители Братталида к тому же привыкли, что не они едут в гости, а к ним. Гудрид успела лишь летом побывать один раз в Кимбавоге, и тогда на пир их пригласил Торлейв Кимби, который праздновал необычное совпадение: в одну и ту же неделю разродилась двойней его жена, и двойню же принесла одна из коров.

Больше, чем гостей, Гудрид не хватало странников, столь свойственных жизни в Исландии. Эти скитальцы, поодиночке или группами, шли от двора к двору, встречая у добрых людей угощение и ночлег и рассказывая взамен разные истории и сплетни. Гудрид часто вспоминалась рослая женщина по имени Халла Полутролль. У нее было кирпично-красное лицо, а одета она была всегда в лохмотья мужской одежды, когда появлялась в Арнастапи: это происходило каждый год, в конце полевой страды. С собой она приносила свежие известия о жизни в больших усадьбах на северной стороне Мыса Снежной Горы. Как только люди узнавали, что пришла Халла, они под любым предлогом торопились покончить с работой и собирались в доме для прислуги. Там уже звучал хрипловатый голос странницы, которая одновременно с рассказами успевала класть себе в рот разные вкусные вещи, которые Халльдис ставила на стол, чтобы потом о хозяевах Арнастапи не говорили, будто это скупые люди.

Но здесь, в Гренландии, людям подобного сорта пришлось бы нелегко. И все равно вести и сплетни просачивались словно вода подо мхом. После Рождества на Херьольвовом Мысе сыграли сразу две свадьбы. Молодой вдовец с тремя маленькими детьми из Эйнарова фьорда женился на Рагнфрид дочери Бьярни, а ее брат, Торкель, взял себе в жены вдову по имени Торунн. Люди говорили, что вдова эта была и молодой, и красивой, и богатой, вот только капризного нрава. Гудрид даже представить себе не могла, кто приносит такие новости в Гренландию. Они словно бы появлялись вместе со скрипом шагов по снегу, растекались с кровью каждого убитого тюленя, лежащего на льду в низовьях Братталида, вспыхивали в мерцании чудесного северного сияния…

Когда Гудрид вместе с Торкатлой, перед тем как лечь спать, направлялись в укромное местечко на дворе, Гудрид часто задерживалась и любовалась розовыми и зелеными светящимися полосами на небе за Бревенным Мысом. Однажды она тоже остановилась, озирая черное, усыпанное звездами небо, и вся эта безбрежная сияющая вселенная над материком казалась ей живой. В воздухе повеяло чем-то, что напомнило ей Исландию: никогда еще девушка не чувствовала себя такой одинокой и заброшенной. Ей казалось, что она похожа на заболоченную кочку пушицы, растущую на поверхности грязной жижи, и вскоре эта кочка опустится на дно. Она едва обратила внимание на то, что Торкатла тянет ее домой, не желая мерзнуть во дворе.

Внезапно рядом с ней возникла большая, укутанная в теплую одежду фигура человека, словно продолжение ее грез. Гудрид перекрестилась, не отводя глаз от северного сияния, испуганно дрожа.

– Гудрид? – голос Торстейна звучал нерешительно, вопрошающе. – Почему ты не идешь в дом? Я увидел, что Торкатла пришла без тебя, и встревожился…

Гудрид захлестнула горячая волна благодарности. Как приятно сознавать, что кто-то волнуется о ней! Она повернулась и взглянула на Торстейна. И в глазах его она прочла, что ей очень к лицу шапочка с белым песцовым мехом. Как же могла она так унывать! И со смехом она ответила:

– Я так люблю смотреть на северное сияние! Я часто останавливаюсь полюбоваться им. Мне так хотелось бы вышить покрывало, похожее на его узор.

– Я рад, что тебе нравится в Гренландии, Гудрид. Тебе будет хорошо в Западном Поселении, вот увидишь.

– Да, конечно! – Гудрид несколько смутилась от этого неожиданного намека на то, что она со временем могла бы стать хозяйкой Песчаного Мыса. – Я всегда люблю бывать в разных краях. А ты был где-нибудь, кроме Гренландии?

– Да, однажды мы вместе с Лейвом побывали в Норвегии. Там хорошо, но я не чувствовал себя там так же свободно, как в Гренландии. Ни я, ни Лейв не могли, например, представить себе, зачем платить налоги норвежскому королю, если мы с ним не состоим в близком родстве. Я привык быть

сам себе хозяином, и наш отец знал это, когда завещал мне половину хутора на Песчаном Мысе.

– Эрик был настоящим хёвдингом, – сказала Гудрид.

– Это так. Люди слушались его, потому что он сам всегда понимал, чего они хотят. Во всяком случае, я так думаю. Хотя мне далеко до такого ума, которым обладает твой отец.

По голосу Торстейна было слышно, что он не очень тужил об этой разнице, и Гудрид подавила в себе улыбку.

– Мой отец – умный человек, как ты сам признаешь, но я никогда не знаю, о чем он думает.

– Все равно, – подтвердил Торстейн. – У вас с ним много общего. Но он, пожалуй, осерчает, когда узнает, что я так долго держу тебя на морозе, и натравит на меня свою собаку!

И он проводил девушку обратно в дом, а потом пошел в другое помещение, где они вместе с Торвальдом и остальными мужчинами обычно спали. Гудрид была тронута и польщена тем, что он не стал заходить с ней в дом, чтобы не подавать повода для сплетен. И она больше не чувствовала себя одинокой.

Как только дни стали длинными, Гудрид повеселела. Небо все смягчалось, делалось синим, а в полдень солнце так сияло, что глаза слепило.

Арни Кузнец смастерил нечто вроде финских саней – на коньках – из китовых костей и подарил их Торкелю. У саней была настоящая мачта и парус, и Торкель весь пылал от воз-

буждения, помогая тащить их Стейну к берегу. А Арни лег на жесткую бычью шкуру, животом вниз, и скатился с обледенелого склона, помогая себе руками. И когда через некоторое время Гудрид вышла на двор, она увидела, как сани скользят по замерзшему фьорду.

Девушка вернулась к своему шитью, рассеянно слушая, о чем говорят вокруг, а сама тем временем поправляла груз на прялке – это был гладкий овальный камень, на одной стороне которого был высечен крест, а на другой – молот Тора. По краю камня тянулись руны: «Меня держат руки Гудрид». Это был подарок Арни Кузнеца. Гудрид горячо благодарила его, радуясь, что Арни так хорошо умеет мастерить.

В полдень дверь в дом с шумом распахнулась, и вслед за вошедшим Торкелем сыном Лейва ворвалась струя морозного воздуха. Рыжие волосы мальчика курчавились, торча в разные стороны, а щеки горели от холода и возбуждения.

– Торкель, так себя не ведут! – выговорила ему Тьодхильд.

Мальчик бросился к бабушке и чмокнул ее в старческую, потемневшую щеку.

– Если бы ты только видела, как славно кататься на наших санях! Арни Кузнец должен помочь Торбьёрну на Бревенном Мысе, а я хотел просто спросить, не хочет ли Гудрид отправиться туда вместе со мной и Стейном и посмотреть на свой новый дом!

Гудрид внезапно захотелось покинуть эту дымную комнату и оказаться на свежем морозном воздухе среди снежной

белизны. Ей показалось, что прошла вечность, прежде чем Тьодхильд не спеша ответила:

– Лучше тебе спросить об этом саму Гудрид. Во всяком случае, она давно не заглядывала на Бревенный Мыс.

Торкель потянул Гудрид за рукав.

– Поедем, Гудрид! Не бойся, Стейн умеет обращаться с санями, и он говорит, что я начинаю как следует управлять парусом. Мы не будем приближаться к устью реки, ведь это опасно, и осторожно переправимся на другой берег.

Гудрид повесила челнок на стену и спокойно сказала:

– Я только оденусь потеплее. Отец тоже там, на мысе?

– Он там, а Стейну нужно будет вернуться назад. Так что нас отвезет потом домой Арни Кузнец.

Выдолбленные, выложенные шерстью деревянные башмаки, которые Гудрид одела на ноги, скользили, пока она спускалась к берегу, но все-таки они сохраняли тепло. Она натянула поглубже шапочку, чтобы глаза не слепило от сверкающего снега и радовалась, что солнце осталось у них за спиной, когда они повернули к Бревенному Мысу. Воздух был холодным и резким, но терпимым для легких, а хриплое воронье карканье над фьордом уже предвещало весну. В душе девушки поднялась волна ожиданий и предчувствий и затопила ее.

Стейн посадил Гудрид перед мачтой. Сам же он сел сзади, взяв Торкеля на колени, чтобы поучить его, как надо управлять санями. Восточный ветер надул маленький синий парус,

и Стейн взялся за шест, которым он отталкивался и тормозил, и выкрикнул:

– Ну, держитесь крепче! Бери право руля, Торкель!

В Исландии Гудрид часто каталась на коньках, но никогда еще она не переживала ничего, подобного этому путешествию по льду.

Ледяная поверхность фьорда напоминала зеркало, если смотреть на нее со двора, но на самом деле вся она была изрыта и неровна. Не раз Гудрид чудилось, что вот сейчас они точно перевернутся. Но этого не происходило, и сани плавно въехали в бухту Бревенного Мыса, обогнув коварное устье реки.

Собака Хильда весело залаяла, бросившись к берегу. То скуля, то заливаясь лаем, она облизала хозяев. Сверху, со стороны дома, доносились голоса и стук. Пахло дымом и свежей древесиной. А когда Гудрид вошла в дом, она увидела, как жарко пылает в очаге огонь. Она села к отцу, сняла шапочку и стянула с себя варежки.

– Как здесь хорошо, отец!

– Славно, что ты так думаешь, – спокойно ответил Торбьёрн. – С тех пор, как ты была здесь в последний раз, многое изменилось: Арни смастерил тебе шкафчик для вещей. Теперь он обивает его железом.

Арни Кузнец не сразу поднял глаза, когда в дом вошла Гудрид. Но после слов отца он взглянул на нее.

– У тебя так много всяких мешочков с травами и лекар-

ствами, Гудрид, что я подумал, не пригодится ли тебе такой шкафчик, чтобы разложить в нем все по порядку. Тогда твои близкие уж точно будут здоровы – а не то ты, чего доброго, перепутаешь и всыпешь не то в их суп… – Он усмехнулся и осторожно забил маленький гвоздик. – Как только закончу, отвезу тебя с Торкелем домой.

Гудрид готова была скорее вывалиться из саней на лед, чем показать, что сомневается в том, сумеет ли Арни справиться с управлением без помощи Стейна.

По пути к берегу Стейн не спеша шагал рядом с Арни, готовый подхватить его, если заскользят костыли, однако Арни двигался вперед. Гудрид заметила, что на лбу у калеки выступили капельки пота, а губы плотно сжаты под темной бородой. Он скрывал, что ему тяжело, и лишь изредка покрякивал. Он молча показал ей рукой, чтобы она заняла свое место у мачты. Сам он устроился на корме, и пока он поднимал парус и управлялся с рулем, Торкель держал его костыли.

Солнце неторопливо опускалось за горы, ветер стих, и Гудрид не нужно было больше крепко держаться за шапочку. Она обернулась к Арни и улыбнулась, но взгляд его скользил где-то далеко, и он словно не видел девушку. Гудрид попробовала представить себе, что ждет его в будущем. Вряд ли женщина с искалеченными ногами смогла бы найти себе мужа… Наверное, для мужчины-калеки тоже нелегко жениться? Особенно если он не сможет жить со своей женой. А мо-

жет быть, желание постепенно исчезает вместе с невозможностью осуществить его? Она плохо разбиралась в этом.

Внезапно Арни остановил свой взгляд на Гудрид.

– Ты хочешь спросить меня о чем-то, Гудрид?

Она почувствовала, как кровь прилила к ее щекам, и растерянно ответила:

– Н-нет… Я просто сижу и думаю, как же здесь хорошо!

– Да. Я могу ехать дальше, до тех пор, пока мы не очутимся перед водой.

Гудрид удивленно взглянула на него, не поняв, что он имеет в виду. Торкель, привалившись к Арни, уснул, и оставшуюся часть пути никто больше не разговаривал. Когда Арни оттолкнулся шестом ото льда и повернул к берегу Братталида, Гудрид всем телом ощутила, как же холодно. Сани остановились, и она опустила ноги на лед и стеснительно улыбнулась Арни.

– Это была лучшая прогулка, какую я только совершала в Гренландии!

Он посмотрел ей прямо в глаза и ответил:

– Когда я мастерил эти сани, я надеялся, что смогу хотя бы раз прокатить тебя в них, Гудрид. Я знал, что тебе они понравятся; ты держишься в них так же крепко, как я на своих костылях. Ты думаешь, я не заметил печали в твоих глазах, когда ты выспрашивала меня и других о наших путешествиях… – Он поднял руку, останавливая ее возражения. – Я хочу высказать сейчас, что у меня на сердце, – раз и навсе-

гда. Сам я вынужден вести домашний, женский образ жизни, и я вижу, как вы, женщины, пытаетесь приспособиться к жизни. Сегодня мы на этих санях совершили путешествие в мой прежний мир. Я мужчина, Гудрид, знай это! И я получил истинное наслаждение, уведя тебя хоть ненадолго от шитья и домашних дел, прежде чем ты превратишься в домашнюю кошку!

– Большое спасибо! – с притворной досадой ответила ему Гудрид. Она действительно была благодарна Арни за то, что он вновь взял тот подтрунивающий тон, которым обычно разговаривал с ней. Отвернувшись, она искренне сказала:

– Ты прав, что мне иногда хочется перемен.

Прежде чем Арни успел ответить ей, проснулся Торкель, усердный, как заливистый щенок.

– Арни, – закричал он, – я пойду спрошу у отца, можно мне привести сюда на берег лошадь, как просил Торбьёрн.

И он побежал к дому, прежде чем Арни успел встать на свои костыли, а Гудрид с улыбкой смотрела вслед мальчику.

– Он знает, что ты в хорошей форме, Арни, и сможешь завтра утром снова взять его с собой!

– Ну, а ты, Гудрид, поедешь с нами завтра?

– Мне так понравилась сегодняшняя прогулка, и она получилась так неожиданно. Но было бы несправедливо перекладывать работу по дому на других, а самой ездить и развлекаться.

Арни выпрямился в полный рост и спокойно ответил:

– Ты говоришь, как и подобает порядочной женщине. И пожалуй, лучше будет, если мы не будем долго стоять здесь вдвоем на одном месте. Поднимайся к дому, а я пойду за тобой, пока Торкель не вернулся с лошадью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.